

Мина Амор

МОСТ НАД ПЕПЛОМ

Тина Амор

Мост над пеплом

«Автор»

2026

Амор Т.

Мост над пеплом / Т. Амор — «Автор», 2026

Мит, сохранившая своё сердце в огне войны, нашла в себе силы стать регентом разрушенного королевства. Но радость длилась недолго — коварные эльфы Лории похищают её приёмную дочь Найлу. Мит готова пойти на всё, чтобы вернуть её. Даже на союз с теми, кого она привыкла ненавидеть. Дакар — существо с тёмным прошлым и ещё более тёмным даром. Он обрёл новую цель: спасти свою дочь и искупить грехи своего народа. Вместе им предстоит выдержать ожесточённую схватку с эльфами, столкнуться с древней магией, политическими интригами и собственными демонами. Но выйдут ли они из этого противостояния теми же, кем были?

© Амор Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	29
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Тина Амор

Мост над пеплом

Пролог

В лазарете пахло странным, приторным запахом, который остаётся после того, как жизнь чуть не уступила место смерти. Дакар сидел на низкой скамье у койки брата и неподвижно смотрел в одну точку, где под тонкой тканью одеяла мирно вздымалась грудь Киллиана.

Мит уехала сегодня на рассвете. Она заберёт Найлу, и тогда их жизнь изменится. Его маленькая девочка станет частью мира, полного надежд и планов на будущее, который они с Мит создадут вместе. Это было его заветным желанием. Это было его заветным желанием. Но когда Дакар провожал Мит взглядом, внутри неприятно кольнуло. В застывшем ожидании, когда каждый вздох Киллиана отмерял секунды, а сердце билось слишком часто, он чувствовал, как предчувствие шевелится под рёбрами.

Дакар потёр лицо. Пальцы дрожали. Слабость после ранения ещё не прошла, ему нужен был отдых, но он не мог оставить Киллиана одного в этом оцепенении, где время растеклось и невозможно было понять, сколько прошло — час, день, вечность. Киллиан выглядел... спокойным. Бледные губы чуть приоткрыты, под глазами залегли тени. Дакар никогда не видел брата таким беззащитным, и от этого зрелища всё внутри сжималось от глухой тревоги.

— Килл, пожалуйста, очнись. Без твоих дурацких шуток вывозить всё это слишком тяжело, — проговорил Дакар, сжимая челюсть.

Он закрыл глаза. В темноте за веками закружились обрывки жизни, сотканые из крови, ненависти к себе, лжи, медленного превращения в тень того, кем он был когда-то. Дакар мечтал, что наступает хорошее время, и он сможет наконец-то выдохнуть. Однако... придёт ли оно вообще?

Киллиан неожиданно открыл глаза. Вдох — судорожный, рваный. Взгляд — мечущийся, невидящий, пока не наткнулся на низкий потолок лазарета и на сгорбленную фигуру рядом.

— Напугал меня! — голос Киллиана сорвался на хрип. Ворон закашлялся от сухости в горле. — Ты всегда был таким жутким?

Дакар вздрогнул. Туман в голове мгновенно рассеялся, уступая место облегчению.

— Чёрт... это ты меня до инфаркта чуть не довёл!

— Один-один, — Киллиан попытался улыбнуться, но лицо слушалось плохо. Он провёл языком по пересохшим губам и поморщился.

Дакар налил воды и поднёс стакан к губам брата. Киллиан с жадностью выпил всё до дна.

— Ты чуть не сдох, — глухо произнёс Дакар, забирая пустую посуду. — Какого чёрта ты полез под удар, идиот?

— Не тебе такие вопросы задавать. Мне что, нужно было смотреть, как Калья... — Киллиан прикрыл глаза, собираясь с силами. Голова кружилась, в висках пульсировало, но память уже склеивала разорванные куски воспоминаний. Его лицо изменилось. Маска привычной лёгкости сползла. — Калья ушла, верно?

Осознание обрушилось на него ледяной лавиной. Киллиан зажмурился. Рука сама потянулась к воротнику, и дрожащие пальцы нащупали то, чего там никогда не было — тонкую серебряную цепочку, уходящую под рубашку. Кулон. Её кулон.

— Вот дура, — прошептал Киллиан. — Она думала, что я проснусь и скажу: «Ну ладно, бывает, пойду дальше жить»? Идиотизм. Я пойду за ней.

Дакар промолчал. Беспокойство в его душе разгоралось с новой силой, расплываясь ядовитым жаром. Он устало потер переносицу и тихо ответил:

— Дело твоё, но для начала хотя бы на ноги встань.

Киллиан издал тихий, безрадостный смешок. В измученных, подёрнутых сонной пеленой глазах блеснул знакомый упрямый огонёк.

— Знаешь, чего я сейчас хочу больше всего на свете? — вдруг спросил он.

Дакар недоверчиво изогнул бровь.

— Покурить, — выдохнул Киллиан с такой истомой, словно в этом табачном дыме заключалось спасение мира. — Затянуться, выпустить дым и забыть к чертям про раны, эльфов, проклятую войну. И чтобы Калья была рядом, отчитывала меня за курение, а я бы шутил, что курение делает меня более мужественным.

Дакар невесело усмехнулся, качнув головой. Киллиан тем временем задумчиво сжал кулон, ощущая подушечками пальцев изящную вязь эльфийской гравировки и слабое, теплое пульсирование хрусталя.

Воздух в келье резко изменился. Это было неуловимо — чуть более прохладное дуновение, лёгкое смещение теней на стенах. Но оба брата почувствовали это одновременно. Дакар замер, Киллиан перестал дышать, вглядываясь во что-то у двери.

Перед ними стоял призрак.

Она была невысокой, с тонкими, резкими чертами лица, которые когда-то ожесточили время и изнурительная болезнь. Но сейчас, в зыбком, мерцающем свечении её полупрозрачного силуэта, это лицо казалось юным, очищенным от былых страданий. Тёмные волосы мягкими волнами падали на плечи. На ней было простое, серое от времени платье — такие носили женщины Кораксе. Босые ноги не касались холодного пола, зависнув в паре дюймов над каменными плитами.

— Мама... — выдохнул Киллиан.

Голос сорвался, превратился в беззвучный шёпот. Он отчаянно рванулся вверх, пытаясь опереться на дрожащие локти, но ослабевшее тело налилось свинцом и не послушалось. Мать посмотрела на него с улыбкой, от которой у обоих братьев до боли сжались сердца.

— Не вставай, — проговорила она тихим, далёким голосом. — Ты ещё слаб, мой мальчик. Лежи.

Дакар не шевелился. Он сидел, мёртвой хваткой вцепившись в край деревянной скамьи, боясь даже вздохнуть. В его глазах, привыкших к непроглядной тьме, к жестокости и к незримой черте, за которую живым заглядывать не положено, — сейчас отразилось что-то совсем детское, испуганное и незащищенное.

— Мои дорогие мальчики... как же вы выросли, — ласково произнесла она, переводя взгляд с одного сына на другого. — Вы прошли через столько испытаний. Сражались, падали во тьму и снова поднимались. Вы сделали гораздо больше, чем я смела надеяться в самых отчаянных молитвах. Вы выжили. И каждый из вас наконец нашёл свой собственный путь.

Девия плавно скользнула к постели Киллиана. Склонилась над ним, и её прозрачная, сотканная из лунного света ладонь опустилась ему на лоб. Киллиан почувствовал, как по телу разливается мягкое, целительное тепло. Оно утихомирило пульсирующую боль в висках, уняло зуд в затягивающихся ранах и ослабило тугой узел страха за Калью, что стягивал его грудь.

— Ты будешь рядом с ней. Станешь её опорой до конца жизни, — тихо прошептала мама.

Киллиан невольно сжал кулон на груди, и хрусталь отозвался в ладони слабой, согласной вибрацией.

Затем Девия повернулась к Дакару. Её лицо оставалось безмятежным, но в глубине полупрозрачных глаз зажглась упрямая, гордая искра.

— Ты ведь уже знаешь, верно? Прощение не всегда нужно, чтобы любить. Она не простит, но будет сражаться за тебя, потому что ты стал тем, кого она выбрала. И ты, Дакар, будешь стоять рядом с ней, как тот, кто разделил с ней самое страшное — и выжил.

Её невесомые пальцы скользнули по его небритой щеке. Дакар зажмурился, ощущая призрачное тепло.

— Ты построишь дом, где твоя дочь будет счастлива вместе с твоей женщиной. Он будет стоять на земле, которая помнит смерть, но выбирает жизнь. И ты будешь в нём — хозяином, отцом. Настоящим мужем.

Девия улыбнулась. И в улыбке было всё — бессонные ночи, когда она баюкала их в промёрзшей лачуге; сказки, которые рассказывала, чтобы они не боялись темноты; любовь, которую она не успела им отдать.

— Я всегда буду с вами, мои дорогие.

— Ничего не бойтесь, — донёсся её угасающий голос, похожий теперь на вдох утреннего ветра. — У каждого из вас своя судьба... и она обязательно приведёт вас к покою.

— Мама! — в отчаянии позвал Киллиан, но ответом ему была лишь тишина.

Воздух в келье мгновенно остыл и сделался обычным. Тени на каменных стенах застыли. Пылинки лениво кружились в полосе серого света.

Дакар медленно поднял голову и посмотрел в узкое окно. За ним стремительно сгущались холодные сумерки. Далеко за высокими стенами Элегории, по пустынному тракту во весь опор мчалась повозка, унося Мит навстречу неизвестности — навстречу тому, о чем Дакар еще не знал, но что уже предчувствовал каждой клеточкой своего тела.

Глава 1

Лес больше не был тихим. Он дышал мне в спину, рокотал обломанными ветками и шелестел листвой, словно соучастник преступления.

Я бежала так, будто сама жизнь зависела от каждого шага — просто вперёд, куда вели примятая трава и сломанная ветка, где ещё витал призрачный след чужого обмана. Сердце бешено колотилось, выстукивая одно-единственное слово: *Найла*. Имя, ставшее для меня живым доказательством, что даже в этом выжженном мире может быть место для рассвета. *И этот рассвет украли. Я не смогла их догнать. Не чувствовала магию Найлы.*

Хлесткие ветки били по лицу, раздирали в кровь кожу, цеплялись за полы плаща, но эта физическая боль казалась ничтожной. Её заглушала зияющая дыра под ребрами, которую спасительно заполняла ярость. Чистая, первородная ярость закипала в венах, выжигая остатки страха, усталости и сомнений. Внутри не осталось ничего, кроме ледяной решимости. И цели.

Я вылетела на ту же поляну, где совсем недавно сидела с Таэлем. Хранитель стоял у самой кромки воды, но его былая, вековая безмятежность испарилась. Он был натянут как тетива, напоминая вековой дуб перед сокрушительным ураганом. Белые глаза смотрели куда-то сквозь кроны деревьев, пронзая саму ткань осязаемого мира.

— Хранитель! — мой крик сорвался на сиплый хрип.

Я подбежала к нему, с трудом хватая ртом холодный воздух. Грудь сдавило тисками самого страшного, липкого ужаса, какой мне только доводилось испытывать.

Таэль медленно повернулся ко мне, и впервые за всё время нашего знакомства я увидела на его лице нечто похожее на растерянность.

— Я пропустил, — сказал он тихо, и в голосе старого друида звучала такая древняя, тяжёлая горечь, что у меня до боли сжалось сердце. — Лес должен был откликнуться на чужую магию. Он всегда чувствует фальшь, как корни чувствуют чужеродный камень. Но я... я остался глух.

— Как?! — выдохнула я, качнув головой, отказываясь принимать эти слова. — Ты — Хранитель! Ты — сердце и голос этой чащи! Как ты мог пропустить эльфийскую мразь под чужой личиной?!

— Потому что магия была своей, — ответил Таэль, на миг закрывая глаза, словно пытаясь заглянуть в прошлое и исправить то, что уже было непоправимо. — Эльфы обошлись без тёмного колдовства. Они использовали свет. Тонкий, сложный, древний свет, сотканный из той же материи, что и сам лес. Они вторглись иначе. Они... вплелись. Как лиана, что растёт вместе с деревом, пока заживо не задушит его. Я искал угрозу там, где привык её искать — во тьме, в боли, в злом умысле. А они пришли с улыбкой и голосом, который Найла любит.

Каждое его слово вонзалось мне под кожу отравленным кинжалом.

Перед глазами с пугающей отчетливостью встала картина: доверчивая Найла сидит на траве. Вдруг кусты раздвигаются, и она видит знакомый силуэт. Слышит мой голос, зовущий её по имени. Малышка счастливо улыбается, поднимается на ноги и бежит навстречу... И этот холодный, расчетливый ублюдок берёт её крошечную ладонь своими длинными, безупречными пальцами. Уводит во тьму, пока она, ничего не подозревая, весело лепечет о чем-то своём.

Внутри меня что-то окончательно оборвалось, уступая место звенящей, смертоносной тишине. Ярость стала такой плотной, что я физически ощущала её на языке медным привкусом крови.

— Найди их! — приказала я, мёртвой хваткой вцепившись в грубый рукав Таэля. — Ты ведь Хранитель! Направь всю свою магию, прощупай каждый гребанный куст, каждую нору, каждую травинку в этом лесу! Они просто не могли уйти далеко, слышишь?! Не могли!

Таэль обречённо кивнул. В этом движении сквозила вселенская, вековая усталость существа, которое слишком часто видело, как коварство берёт верх над силой. Он поднял руки. Ладони с глубокими морщинами, похожими на корни старого тиса, раскрылись навстречу равнодушному небу.

И лес отозвался.

Я ощутила это каждой клеткой своего тела. Воздух в мгновение ока загустел, налился тяжёлой вибрацией, поднимавшейся из самых недр земли. Ветви исполинских деревьев затрепетали, хотя вокруг не было ни дуновения ветра. Миллионы листьев зашелестели в унисон, рождая низкий, утробный гул. По сырой земле побежали пульсирующие нити изумрудного света — ожившие корни, которые веером разошлись во все стороны, вгрызаясь в почву. Они вились, точно слепые змеи, уходя в самую глубь чащобы, проникая в самые тёмные её уголки.

Таэль стоял, зажмурившись, под тонкими веками судорожно метались зрачки. В эти мгновения он сам стал этим лесом. Он чувствовал каждый упавший лист, каждый вздох спящего зверя, каждую каплю росы на паутине.

Секунды тянулись, как часы. Нити света метались, сворачивались, распрямлялись, проникая в каждую щель. Я затаила дыхание, боясь даже вздохом помешать этому грандиозному, всеобъемлющему поиску. И вдруг всё кончилось. Нити дрогнули, потускнели и втянулись обратно в землю, словно их никогда и не было. Ветви замерли. Тишина, воцарившаяся после этого колдовского гула, стала оглушительной.

Таэль открыл глаза. В их белесой пустоте отразилось полное, сокрушительное бессилие.

— Их больше нет, — тихо, сорванным голосом произнес он. — Лес потерял их след. Они пересекли черту, покинули пределы моих владений. Туда, где мои корни бессильны, где царствуют лишь холод и мёртвый камень. К эльфам.

Эти слова обрушились на меня каменной лавиной, придавив к земле. Я застыла, не в силах даже пошевелиться.

Их больше нет. Растворились. Исчезли во тьме. Найлу похитили так чисто, так расчетливо и безупречно, что даже древнее волшебство Хранителя оказалось бесполезным.

Ужас, который я сдерживала яростью, прорвал плотину. Он нахлынул разом — липкий, леденящий, высасывающий силы. Я вспомнила, как Найла впервые назвала меня «тётя Мит». Вспомнила её сон, где она видела всех нас вместе, счастливых, в большом красивом доме. И теперь этот сон уводили в холодную, чужую Лорию, где её крылья, её свет, её нежность могли либо вытравить, либо превратить в орудие. Как Калью. Или хуже. Калья была взрослой, она сделала выбор. А Найлу просто украли, как вещь.

Дыхание перехватило, грудь сдавило судорожным, рваным всхлипом, который я больше не могла сдерживать. Колени подогнулись, и я рухнула прямо на острые камни, отчаянно впиваясь пальцами в холодный мох, пытаясь удержаться за ускользающую реальность. Перед глазами всё поплыло. Стыд, раздирающее горе и бессильная ярость смешались в удушливый ком.

— Я обещала, — прохрипела я, не узнавая собственный, сломленный голос. — Я обещала ему... что привезу её. Что буду беречь. Что она будет в безопасности. А я... я допустила это. Думала, что лес защитит... — Слёзы жгли глаза, крупными каплями падая на мох. — Я должна была догадаться! Должна была понять, что эльфы не отступят просто так, что у них есть план! Я повелась на их лживую сделку, как последняя дура...

Таэль опустил на колени рядом со мной. Его сухая, мозолистая ладонь легла на моё дрожащее плечо.

— Откуда тебе было знать? — в его голосе слышалась бесконечная печаль. — Эльфы играют в игры, которым тысячи лет. Их ходы просчитаны на много шагов вперёд.

Я подняла на него заплаканное, искажённое болью лицо.

— Но зачем им Найла? Калья — наследница эльфийского трона, она им нужна для стабильности. А Найла? Она же... она просто девочка. Дочь ворона и той, кого они сами использовали. Какая им ценность в ней?

Таэль посмотрел на меня, и в его белых глазах отразилась такая глубина понимания, что мне стало страшно.

— Ты многого не понимаешь, Мит. Ты пропустила то, что видел я. То, что они, возможно, разглядели своими холодными глазами, когда наблюдали за нашим лесом.

— О чём ты? — прошептала я, чувствуя, как новый, ещё более леденящий ужас поднимается изнутри.

Хранитель медленно поднялся с колен, помогая подняться и мне. Его сухая, узловатая рука указала на восток, где за плотной стеной вековых деревьев лежала серая, выжженная смертью земля Коракса.

— Перед тем как ты приехала, я водил Найлу к границе. К самому краю, где лес встречается с пустошью. Я хотел показать ей... истоки. Рассказал ей о феях и воронах. Она слушала, а потом... я спросил её, хотела бы она, чтобы земля её отца стала лучше.

Я замерла, боясь дышать.

— И она, — продолжал Таэль голосом, полным благоговения. — Найла представила всем сердцем, какой бы она хотела видеть Коракс. Её крылья засветились живым светом и там, куда падали капли этого света, на мёртвой проросла... трава.

Чудо. Настоящее, живое, невозможное чудо.

— Теперь понимаешь? — тихо спросил Таэль. — Эльфы пришли в наши земли, чтобы проследить за друидами, а увидели Найлу. Её силу, способную возвращать жизнь там, где она угасла. Они забрали Найлу, потому что девочка может дать им то, чего эльфы жаждут больше всего — жизнь земле. Их королевство истощается. Даже их великая и древняя магия бессильна остановить увядание. Они ищут способ продлить существование, возродить утраченное. И в этой девочке они увидели... источник. Они запрут её в своих хрустальных чертогах, будут изучать, пытаться понять и воспроизвести её дар. Либо, того страшнее, заставят её саму творить для них. Пока её силы не иссякнут. Пока её свет не погаснет.

Мир вокруг меня покачнулся. Я представила Найлу в золотой клетке, среди холодных, безупречных эльфов, которые будут смотреть на неё как на магический артефакт. Представила, как её свет будут высасывать по капле, пока оболочка не опустеет. Так же, как Габриэла высасывала магию из фей, только медленнее, изящнее, под видом заботы и обучения.

И в этот момент спасительная ярость, согревавшая меня, окончательно перегорела, оставив после себя лишь ледяную, монолитную решимость. Страх отступил.

Я медленно выпрямилась, чувствуя, как каменеет спина и расправляются плечи. В моих глазах зажёгся самый беспощадный, мертво-холодный огонь, который когда-то видел Дакар — перед тем, как я вонзила кинжал в спину Габриэлы. Теперь это была битва за жизнь ребёнка. *За мою девочку. За наш общий рассвет.*

— Я отправлюсь в Лорию, — твёрдо проговорила я.

— В своих землях эльфы считают себя богами, — предупредил Таэль. — Вырвать её из их рук будет непомерно трудно. Это война совсем другого толка — война разума, изощрённой лжи и тысячелетней гордыни.

Я сделала медленный, глубокий вдох, с трудом разжигая сжавшиеся в тиски лёгкие.

— Сначала мне нужно вернуться в Элегорию. Соберу отряд.

Таэль почтительно склонил голову, признавая моё решение.

— Иди. И пусть корни твоей решимости уйдут глубже, чем самые древние скалы этого мира. Они тебе понадобятся.

Я развернулась и побежала назад. Повозка ждала там же, где я её оставила — тёмный, бесшумный зверь, готовый сорваться с места по первому приказу. Я вскочила на сиденье, вце-

пилаась в рукояти управления и рванула вперёд раньше, чем успела перевести дыхание. Кристалл под сиденьем взвыл, отдавая всю накопленную энергию разом. Каменные диски оторвались от земли, и повозка понеслась по лесной тропе с такой скоростью, что деревья по бокам слились в сплошную зелёную стену. Я не думала о том, хватит ли заряда. Не думала о том, что будет, если я разобьюсь о корень или камень. Я думала только о ней. О её испуганных глазах, когда иллюзия пала. О том, как она, наверное, сейчас плачет и зовёт папу. Или меня. Может просто кричит в пустоту, а эльфы даже не поворачивают голов, потому что детские слёзы для них — не более чем досадный шум.

Я вылетела из леса так же резко, как в него влетела. Граница прошла по телу, как удар — с одной стороны влажное, живое дыхание Тишины, с другой — сухой, выжженный воздух пустоши. Повозка вздрогнула, колёса на мгновение потеряли сцепление с землёй, но я удержала управление, входя в крутой вираж, огибая груды камней, оставшихся от сторожевой башни.

Дорога назад была той же, но теперь она казалась *другой*. Я вжимала рукояти до упора, выжимая из древнего механизма всё, что можно, и даже то, чего нельзя. Кристалл подо мной пульсировал неровно, с перебоями — он перегревался, молил о пощаде, но я не слушала. Пусть сдохнет. Пусть развалится на части. Главное — успеть обратно, пока во мне ещё теплится эта ледяная решимость, пока ярость не выкипела, оставив только пепел.

Разорённые гарнизоны пролетали мимо серыми, безжизненными пятнами. Скелеты домов, обгоревшие остовы деревьев, чёрные пятна на земле — всё это слилось в однородный фон, на котором я не задерживала взгляда. Я смотрела вперёд, где за горизонтом уже виднелись башни Элегии. Моё королевство появилось — как дышащее существо с ещё не затянувшимися ранами и уже засиявшими огнями надежды.

Повозка влетела в восточные ворота с такой скоростью, что стража шарахнулась в стороны, выставив оружие, но узнав меня, замерла, не веря своим глазам. Я не останавливалась. Я летела через город, по ещё пустынным улицам, распугивая редких прохожих. Только у самого дворца, влетев в распахнутые ворота мастерской, я наконец выжала тормоз. Каменные диски взвизгнули, высекая искры из пола. Повозка замерла, дёрнувшись в последний раз, и кристалл под сиденьем погас, исчерпав себя до последней капли. Из мастерской выбежали перепуганные феи, но я уже спрыгнула на пол, бросив повозку.

— Регент? — ведущий инженер, осматривавший соседнюю повозку, уставился на меня округлившимися от изумления глазами. — Вы... вы уже вернулись? Но мы не ждали вас так рано...

— Где Ливьер? — перебила я его настолько резко и холодно, что мужчина невольно отшатнулся на шаг, чуть не выронив масляный светильник.

— В... в своём кабинете. Разбирает утренние отчеты. Но...

Я не стала слушать. Дворцовые коридоры, вымощенные светлым камнем, замелькали перед глазами смазанными, серыми полосами. Встречные гвардейцы по привычке вытягивались в струнку, но я не тратила драгоценные секунды на приветствия. Я буквально влетела в приёмную — тяжёлая дубовая дверь с грохотом ударилась о стену, чудом не слетев с петель.

Ливьер сидел за столом, заваленным свитками. Увидев меня, он медленно поднялся, и на его лице отразилось такое изумление, какого я не видела даже в самые страшные моменты битвы.

— Мит? — его голос скрипнул, как несмазанная петля. — Ты... что случилось?

Я быстрыми шагами подошла к столу и с силой оперлась ладонями о его край, пытаясь унять дрожь в коленях и перевести дыхание. Воздух со свистом разрывал лёгкие, но я заставила себя говорить чётко, сухо, как подобает командующему:

— Найлу украли эльфы.

Ливьер замер. Его выпетшие, повидавшие виды глаза мгновенно сузились, превратившись в две ледяные щёлки.

— Как это произошло?

— Они подослали мага под личиной. Окружили лес пологом иллюзий и увели девочку прямо из-под носа у друидов. Таэль почувал неладное слишком поздно. — Я сделала судорожный вдох. — Они использовали артефакты мгновенного переноса. Сейчас Найла уже в Лории.

В кабинете повисла удушливая тишина, какая бывает только над свежей могильной плитой. На осунувшемся лице Ливьера проступила гнетущая, старческая усталость, которая всегда овладевала им, когда он просчитывал варианты и видел, что абсолютно все тропы ведут к краю бездны.

— Когда ты уезжала, в тебе ещё жила надежда, что война кончилась. Что можно просто... жить, а теперь...

Он не договорил, но я поняла. Теперь во мне не было надежды. Была только решимость вернуть своё любой ценой.

— Я буду беспощадной с этими тварями, — ровно, без единой эмоции процедила я.

Старик тяжело, со свистом вздохнул и выбрался из-за стола. Он медленно подошёл к высокому окну, за которым догорал холодный, грязно-серый закат. Ливьер долго вглядывался в темнеющие башни Элегории, в полосу векового леса у крепостных стен и в тонкие струйки дыма над кузницами, где без усталости ковали новые мечи.

— Мит, — позвал он не оборачиваясь. Голос его звучал глухо. — Ты — лицо этого королевства. Его голос. Его воля. И у тебя сейчас нет войска.

Я открыла было рот, чтобы яростно возразить, но он упредил меня коротким, властным жестом руки.

— Я знаю, что ты хочешь сказать: «у нас есть гвардия, есть ополчение, есть сотни преданных воинов, готовых пойти за мной хоть в пекло». Но давай посмотрим суровой правде в глаза. Наши лучшие отряды сейчас находятся в Кораксе вместе с Солником. Они прочёсывают подземелья, вытаскивают наших выживших сородичей из клеток, каждую минуту рискуя жизнями. Если мы отзовём их ради похода на эльфов — мы обречём пленных на смерть. А если мы отправим в Лорию тех, кто остался здесь — израненных, истощённых, необученных новобранцев, — мы просто преподнесём эльфам лёгкую победу на блюде. И докажем им, что феи окончательно ослабли.

Он повернулся ко мне, и в его глазах горела правда, которую я не хотела принимать.

— Эльфы — это не вороны, Мит. Они не станут бросаться на нас в лобовую атаку на поле боя. Их магия тонка, коварна и безжалостна. Она проникает под черепную коробку, ломая разум изнутри. Они похитили Найлу именно сейчас, потому что прекрасно знали: ты связана по рукам и ногам. Они просчитали каждый твой шаг. Просчитали нас всех. И, к нашему общему стыду, оказались правы.

Я всё это понимала. Он просто называет вещи своими именами, как делал это всегда, с того самого дня, когда начал учить меня военному делу.

— Ливьер... — мой голос дрогнул, но я заставила себя говорить твёрдо. — Если я не спасу её, то для меня не будет больше надежды. Ты понимаешь? Не будет. Ни для меня. Ни для Дакара. Ни для Киллиана, когда он очнётся и узнает, что обеих существ, которых он любит, забрали, пока он лежал без сознания. — Я шагнула к нему, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. — Она часть меня, Ливьер. Я убила её мать. Её отец сейчас не может даже нормально ходить, не то что бороться за неё. Её дядя в коме. Я единственная, кто может хотя бы что-то сделать! Что ты предлагаешь?! Оставить её в клетке, где из неё будут высасывать жизнь?! Ты это предлагаешь?!

Ливьер смотрел на меня с безмолвной болью, пока я задыхалась от беспомощности и ярости. Вдруг дубовая дверь в приёмную с грохотом распахнулась во второй раз за вечер. Я вздрогнула и резко обернулась.

На пороге стоял Дакар.

Он был смертельно бледным, под глазами залегли глубокие тени, а пальцы левой руки судорожно, до белых костяшек, впивались в деревянный косяк, удерживая тело в вертикальном положении. Каждый шаг давался ему с колоссальным трудом. Я рванулась было к нему, чтобы поддержать, но ворон остановил меня коротким, резким движением головы.

Ковыляя, он дошёл до стола и тяжело опёрся о край обеими руками. Его плечи мелко дрожали, он часто и шумно сглатывал, пытаясь справиться с дыханием — услышанная новость выбила из него последние крупницы сил, возвращённых после ранения.

— Дакар, я обо всём позабочусь... Ты должен восстановиться... — умоляюще пролепетала я.

— Нет. Я должен быть здесь. — Он перевёл дыхание и испытующе взглянул на Ливьера. — Какой план? Уверен, что не просто сидеть и ждать чуда.

От пронзительного взгляда Дакара даже мне захотелось отвернуться, но Ливьер лишь обречённо вздохнул.

— Садись, ворон.

Дакар со стоном опустился на свободный стул. Я села рядом, и наши плечи соприкоснулись. Лихорадочное тепло его тела сейчас было единственным якорем, который удерживал меня от того, чтобы не сорваться с места и не побежать в Лорию пешком, сжимая в руке один лишь кинжал.

Ливьер развернул на столе карту Лории, бережно разглаживая ладонью пожелтевший пергамент.

— Смотрите, — начал он, водя пальцем по горным хребтам и хрустальным чертогам. — Лория неприступна. Её горы — естественная крепость. Её магия — щит, который не пробить грубой силой. Но у эльфов есть слабое место. Они — существа ритуала, порядка, тысячелетних традиций. — Он поднял свои мудрые глаза на меня. — Сейчас между нами перемирие. Формальное, шаткое, но оно есть. Они его не нарушали — с их точки зрения. Калью забрали по договору. Найлу украли, но мы не можем доказать, что это эльфы. Иллюзия, отсутствие свидетелей, артефакты переноса, не оставляющие следов. Для них идеальное преступление. Они знают, что мы не можем объявить войну.

Я сжала челюсти с такой силой, что в ушах зазвенело.

— И что ты предлагаешь? Пойти к ним на поклон? Умолять на коленях, чтобы они вернули нам маленькую феечку?

— Я предлагаю явиться к ним не с мечом, а с флагом, — спокойно и веско ответил Ливьер. — Как официальные послы. Как те, кто пришёл говорить о долгосрочном мире и союзе.

— Посольство... — проговорила я, и в моей голове начали складываться первые детали этой мозаики. — Дипломатическая миссия.

— Именно. С верительными грамотами, с официальным предложением заключить полноценный мирный договор между Элегорией и Лорией. Ты — регент, ты имеешь на это полное право. И эльфы не смогут отказать послу, который явился с миром. Это в корне нарушит их драгоценный этикет и хвалёное представление о себе как о благородной, высшей расе. Они будут обязаны впустить нас за свои неприступные стены.

Дакар слушал, не перебивая. Бледное и осунувшееся лицо — непроницаемо, но всё его тело было напряженно до предела. Он держался. Ради Найлы. Ради меня.

— Под видом посольства мы проникаем в Лорию, — продолжил Ливьер. — У нас будет законное право находиться на их территории. Мы сможем осмотреться, выяснить, где держат Найлу. Нужен чёткий план, чтобы вездесущие эльфы не смогли помешать.

Я перевела дыхание. Пора было сказать то, что я сознательно откладывала с того самого момента, как переступила порог этого кабинета. То, что переворачивало всю суть похищения.

— Таэль рассказал мне, что случилось, — начала я. — Он водил Найлу к границе. К пустоши Коракса.

Дакар резко вскинул голову. В его красных глазах, утомлённых лихорадкой, мгновенно мелькнула тревога.

— Магия, которой обладает Найла, отличается от моей... да и вообще от любой среди фей, — мой голос дрогнул, когда я вспомнила слова Таэля. — Она смогла заставить прорасти траву на земле, которая была мертва.

В комнате снова воцарилась давящая тишина. Было слышно, как тихонько потрескивает обгорающий фитиль в масляной лампе, как за стеной глухо звякает оружием проходящий караул. Ни Ливьер, ни Дакар не двигались. Даже, казалось, не дышали.

— Феи пробуждают и бережно поддерживают жизнь в почве, — прошептала я, глядя на свои дрожащие пальцы. — Но Найла... она не просто направляет силы природы. Она будит их там, где их нет. Создаёт жизнь из ничего. Как-будто...

— Как-будто она сама — источник, — закончил Ливьер.

В его выцветших глазах зажглось благоговение, смешанное со страхом.

Дакар судорожно закрыл глаза, пытаясь остановить головокружение, вызванное моими словами. Он тяжело опустил голову на руки.

— Поэтому они её забрали, — пробормотал ворон с невероятной горечью, открывая глаза. — И они никогда не отпустят существо с такой невероятной магией.

— Но знают ли эльфы, чья она дочь? — озвучил Ливьер опасный вопрос, который мучил меня всю дорогу от Тишины до столицы.

— Найла — копия Мит, — сквозь зубы процедил Дакар. — И если её поразительное внешнее сходство с тобой они ещё могли бы списать на случайный типаж фей, то крылья... Стоит Илидору или любому другому старшему эльфу бросить взгляд на форму и свечение её крыльев, как они мгновенно всё поймут. Намного раньше, чем Найла успеет назвать имя своей покойной матери. Единственное полезное дело, которое Габриэла совершила перед смертью — это то, что она из гордости не проговорила советникам эльфов о рождении нашей дочери. Но теперь... Илидор сопоставит факты, — Дакар поднял на меня потемневший, решительный взгляд: — И встретит нас во всеоружии.

— Именно поэтому нам необходим кто-то внутри самой Лории, — веско произнёс Ливьер, постукивая пальцем по пергаменту. — Тот, кто сумеет разузнать, в каком именно крыле держат Найлу, и сможет действовать скрытно, пока все эльфийские падальщики будут неотрывно следить за каждым вашим шагом.

— Калья, — выдохнула я, и эта мысль принесла надежду. — Она законная наследница и может помочь. Но нам нужен безопасный способ скоординировать действия.

— Кулон, — пробормотал Дакар. На его измученном лице впервые за вечер промелькнуло подобие облегчения. — Киллиан очнулся вовремя, — я вздохнула с облегчением, что его брат наконец-то вышел из комы. — Киллу не впервой находиться под вуалью артефакта. Ему нужно научиться управлять им.

— Он только очнулся, — возразила я. — Он слаб. Лория — не место для...

— Он не останется здесь, Мит, — перебил меня Дакар. — Ты сама это прекрасно понимаешь. Киллиан пойдёт за Кальей и Найлой в любом случае — даже если ему придётся ползти туда. Пусть лучше он будет под нашим присмотром, чем попытается пробраться в одиночку и погибнет.

Я прикусила губу, понимая, что ворон абсолютно прав. Киллиана невозможно было удерживать взаперти.

— Эльфы невероятно коварны, — вернул нас к реальности Ливьер, вновь указывая на карту. — Они не станут с порога раскрывать свои карты или открыто угрожать вам. Они затеют долгую, изнурительную игру. Будут искусно делать вид, что искренне не понимают причин вашего визита. Станут принимать вас со всеми почестями, приличествующими послам, водить по сияющим галереям чертогов, демонстрировать величие и богатство Лории. А сами будут неусыпно наблюдать. Ловить каждое ваше слово, каждый жест, пытаясь разгадать, каков ваш истинный план.

Сухой палец Ливьера замер на самом высоком, резном шпиле, обозначенном на чертеже дворца.

— Если Илидор уже понял, кто такая Найла, он будет держать её в самом защищённом месте. Скорее всего — в башне Рассвета. Это древнейшая часть их дворца, там хранятся артефакты и проводятся самые важные ритуалы. Доступ туда только у высшей знати.

— Калья — высшая знать, — быстро подхватила я. — Илидор сам провозгласил её преемницей престола и возвёл в этот статус, когда забрал из Элегории. Она имеет полное право войти в башню.

— Если её саму не держат в цепях, — мрачно заметил Ливьер.

Старый вояка вообще не умел успокаивать.

— В любом случае, — я подняла руку, призывая мужчин к спокойствию, — у меня есть связь с ней. Я смогу почувствовать отголоски магии Найлы, когда окажусь за стенами дворца. Наша связь с ней слишком сильна. Будем надеяться, что если Калья не сумеет проникнуть в башню, мы сами отыщем тайный лаз или создадим возможность для входа.

За окном сгущалась ночь. В чертогах Лории маленькая девочка с крыльями цвета пурпурных сумерек ждала спасения. И мы либо заберём её, либо умрём там все вместе.

Глава 2

Повозка, в которой везли Калью, хранила мягкий рассеянный свет. Стены, обитые изысканной тканью с серебряным отливом, создавали иллюзию безопасности, напоминая уютный кокон.

Илидор сидел напротив. Руки покоились на коленях в безупречной, веками отрететированной позе, а лицо оставалось безжизненно-спокойным

— Мы въезжаем в предгорья, — ровно произнёс он, не открывая глаз.

Калья прильнула к узкому прозрачному окошку. Вместо привычных, дышащих теплом лесов и изумрудных полей Элегии перед ней распахнулась суровая каменная бесконечность. Горы вздымались к небу острыми пиками, вершины тонули в облаках. Снег лежал на склонах плотными шапками, и только в низинах, куда с трудом пробивался свет, земля открывалась тёмными сухими пятнами.

Лория. Королевство эльфов.

Повозка плавно нырнула в глубокое ущелье. Каменные стены сомкнулись вокруг экипажа, окончательно отрезая последние проблески знакомого живого мира. Остался серый камень, пронизывающий холод и бесконечная дорога, вырубленная в толще гор тысячи лет назад.

Когда ущелье наконец закончилось, Калья замерла, забыв сделать вдох. Хрустальные пики взмывали в небо прямо из каменных валунов. Дворец вплетался в скалы прозрачными гранями, уходя шпилями в облака. Солнце, пробивавшееся сквозь тучи, рассыпалось на множество радужных искр, зажигая в хрустале внутренний свет.

— Хрустальные чертоги — сердце Лории, — объявил Илидор. — Здесь живёт король и вершится судьба нашего народа.

Холодная безупречная красота этого места не восхищала — она ранила, пробирая до самых костей.

Экипаж остановился у подножия циклопической лестницы. Ступени уходили высоко вверх, к распахнутым настежь хрустальным вратам, за которыми была бесконечная пугающая глубина парадных залов.

— Выходи, — Илидор первым ступил на камень.

Калья последовала за ним. Каждое движение давалось с трудом, а подъём казался бесконечным. Советник шёл размеренно, нарочно давая пленнице время осмотреться и прочувствовать величие момента. Но разреженный ледяной воздух высокогорья с трудом входил в лёгкие, напоминая девушке, что её тело не принадлежало этому суровому миру.

Внутри рассеянный свет лился отовсюду и ниоткуда, отражаясь от хрустальных граней, заполняя пространство сиянием. Пол уходил вперёд прозрачной лентой, под которой была бездна.

— Не бойся, хрусталь прочный. — усмехнулся Илидор.

Калья сделала осторожный шаг. Сапоги тихо заскользили по зеркальной поверхности. По сторонам, в глубоких нишах, вырубленных прямо в сверкающих стенах, застыли исполинские статуи. Калья разглядела величественные фигуры эльфов в струящихся длинных одеяниях, с лицами, обращёнными к небу, и руками, простёртыми в вечном благословляющем жесте. Глаза изваяний смотрели на гостью пустой белизной, но девушке казалось, что этот каменный взгляд видит её насквозь — до самых потаённых мыслей.

— Наши предки, — не без гордости пояснил Илидор. — Они построили Лорию и хранят её по сей день.

Калье отчаянно хотелось спросить, почему благословляющий жест древних правителей больше напоминает замах для удара, но промолчала, опасаясь услышать слишком честный ответ.

Илидор рассказал, что не весь дворец полностью хрустальный. Всё, что она видит сейчас, обустроено нынешним королём. Её дедушкой.

Главный зал распахнулся перед ними, обрушившись на сознание своим невероятным объёмом. Огромное пространство уходило ввысь, а хрустальные колонны, каждая толщиной в два обхвата дерева, удерживали невидимый потолок.

В центре зала, на высоком ступенчатом возвышении, покоился трон. Глядя на него, липкий парализующий холод медленно просачивался под кожу Кальи. Трон был искусно вырезан из куска безупречного хрусталя. На нём, неподвижно откинувшись на спинку, восседал старик.

Калья понимала, что слово «старик» здесь неуместно и даже кощунственно. Правитель Лории казался старше самих гор, старше хрустальных стен дворца, старше самого понятия времени. Его иссохшая кожа напоминала пожелтевший пергамент. Глаза — два огранённых куска векового льда, в глубине которых когда-то, очень давно, мог по-настоящему гореть живой огонь. Сейчас же они отражали лишь звенящую мёртвую пустоту.

На голове была необычная корона. Корона Ислиа представляла собой сложнейшее ювелирное сплетение хрустальных нитей, уходящих глубоко в седые, похожие на паутину волосы короля. Они буквально врастали в виски, проникали под кожу, становясь физической частью самого правителя. В центре, где все тонкие нити сходились в тугой узел над лбом короля, горел глубокий багровый свет. Он пульсировал в пугающем унисоне с сильно бьющимся в груди сердцем Кальи.

Илидор бесшумно склонился к её уху, и его дыхание показалось девушке морозным ожогом:

Илидор бесшумно склонился к её уху, и дыхание показалось девушке морозным ожогом:

— Корона Ислиа — древний артефакт — символ династии и магии. Только истинный правитель из рода может носить её. Если другой решит прикоснуться — умрёт мучительной смертью.

Калья с трудом сглотнула. В горле так пересохло, словно ледяной воздух Лории вытянул из тела всю влагу.

Они подошли ближе к возвышению. У самого подножия трона полукругом стояли эльфийские лорды. Калья насчитала семерых. У них были разные лица, разные одеяния, но абсолютно одинаковые глаза — ледяные, оценивающие, равнодушно скользящие по её фигуре.

— Подожди, — голос короля прозвучал негромко, но каждый звук странным образом отдавался от хрустальных стен, многократно множился под сводами, заполняя весь зал.

Калья сделала решительный шаг вперёд и остановилась у самого края возвышения, высоко задрав голову, чтобы видеть лицо своего грозного предка.

Король Лифей смотрел на неё долго и пристально. Затем со скрипом поднял правую руку. Пальцы, сухие и узловатые, потянулись к лицу девушки. Калья заставила себя не отшатнуться. Невыносимый обжигающий холод коснулся её щеки.

— Похожа, — наконец бесстрастно проговорил король. — В ней действительно течёт наша благородная кровь. Я вижу это.

Он убрал руку и тяжело опустил её обратно на хрустальный подлокотник.

— Твоя мать была невообразимо глупа, — продолжил Лифей всё тем же ровным лишённым эмоций тоном. — Она полюбила того, кого не имела права любить. Предала свой род, сбежала из Лории и закономерно умерла в изгнании. А теперь ты стоишь передо мной и смотришь на меня глазами, полными надежды. Скажи мне, полукровка, надежды на что?

Калья прекрасно знала этот излюбленный приём. Моральное давление. Ожидание малейшей слабости, чтобы подчинить себе. Поиск повода наказать за неверно подобранное слово.

— Я ничего не жду от вас, — ответила она после короткой паузы. — Я пришла сюда исключительно по своей воле. Чтобы учиться и стать сильнее.

— Сильнее... — Лифей шевельнул губами в подобии улыбки — вышла жуткая гримаса. — Ты жаждешь силы. Это похвально для нашего рода. Но знаешь ли ты, девочка, что сила всегда требует соразмерных жертв?

— Знаю.

— Правда? — он скептически выгнул светлую бровь. — Твоя мать принесла жертву во имя любви. Она отдала свою жизнь за призрачное право быть с тем, кого выбрало её глупое сердце. Ответь мне: готова ли ты отдать всё, что имеешь, взамен на подлинное величие Лории?

Калья без тени страха встретила его пронизывающий ледяной взгляд.

— Я готова отдать абсолютно всё.

Старый эльф смотрел на Калью изучающе, решая, достойна ли она продолжить с ним разговор.

— Уведите её. Поселите в восточной башне. Завтра начнётся обучение. Посмотрим, на что она способна.

Калья склонила голову в знак благодарности и развернулась. Илidor ждал у колонны. Советник молча взял её под локоть и повёл прочь из зала.

Они долго шли по бесконечным путанным коридорам мимо безупречных хрустальных стен, в которых непрерывно дробилось, ломалось и множилось бледное отражение Кальи. Спустя время советник привёл её к массивным дверям покоев, после чего сухо попрощался, бросив на прощание, что вернётся за ней ранним утром.

Новое пристанище было поистине королевским. Кровать под балдахином из тончайшего шёлка занимала центр комнаты. Стены, прозрачные до самого пола, открывали вид на заснеженные пики. Красиво. Очень красиво. *Отвратительно красиво.*

Калья опустила на край кровати и закрыла глаза. Перед внутренним взором встал спящий Киллиан. Она помнила тепло его ладони, когда их пальцы сплелись перед самым страшным боем. Она ушла, оставив его там, даже не попрощавшись по-настоящему. Оставила кулон — единственное, что связывало её с матерью, с прошлым, с той Кальей, которая ещё умела верить в справедливость.

Мит. Мысль о подруге кольнула сердце. Мит сейчас в Элегии планирует оборону, держит лицо перед народом. Она уверяла Мит, что сделала выбор сознательно, что готова стать шипом в эльфийском троне. Калья горько улыбнулась этой мысли.

— Я справлюсь, — прошептала она в пустоту. — Я должна.

Утро Кальи началось с этикета. Наставница — пожилая эльфийка с идеально прямой, словно окостеневшей спиной и холодными глазами цвета старого речного льда — вошла в покои без стука, когда первые лучи бледного солнца коснулись хрустальных шпилей.

Калья с усилием поднялась. Спала она плохо: чужие стены давили на сознание, звенящая горная тишина резала слух, а сны приходили лихорадочные, полные обрывочных образов из недавнего кровавого прошлого. Но ни единым жестом она не выдала своей слабости.

Малый зал, куда её привели, оказался просторной учебной комнатой. Вдоль хрустальных стен тянулись массивные стеллажи с фолиантами в переплётах из кожи неизвестных Калье существ. В центре стоял длинный стол, за которым уже сидели двое неизвестных эльфов. Илidor поднялся ей навстречу с дежурной полуформальной улыбкой.

— Рад видеть тебя отдохнувшей, — солгал он легко и естественно. — Знакомься, это твои соученики.

Калья перевела взгляд на сидящих. Юноша с острыми чертами лица и надменным выражением, одетый в белоснежный камзол, даже не посмотрел в её сторону. А рядом с ним сидела эльфийка. Та... улыбалась ей? Калья на мгновение моргнула, проверяя, не показалось ли ей это от усталости. Но улыбка осталась на месте — на редкость открытая. Девушка была при-

мерно её возраста. Светлые серебряные волосы падали на плечи небрежными волнами. А глаза — редкого для эльфов тёплого золотисто-карего оттенка — смотрели на Калью с искренним дружелюбным любопытством.

— Лиадена, — представилась она, изящно вставая и протягивая ладонь. — Дальняя родственница королевской семьи. Можешь называть меня просто Лиа.

Калья осторожно пожала протянутую руку. Ладонь девушки оказалась на удивление тёплой, совсем непохожей на ледяные пальцы остальных обитателей этого замка.

— Калья, — сказала она в ответ, чувствуя растерянность.

— Я знаю, — заговорщически подмигнула Лиа. — Наслышана! Дочь принцессы, которая сбежала с прекрасным феём... О боги, это же так безумно романтично!

Надменный юноша фыркнул, но Лиа не обратила на него внимания.

— Садись рядом со мной, — предложила она, указывая на соседний стул. — Урок по придворному этикету — скука смертная, но Илидор требует от нас идеала. Он любит повторять, что настоящий эльф должен уметь умирать от скуки, но при этом сохранять безупречную осанку.

Впервые с момента прибытия в Лорию Калья почувствовала нечто похожее на облегчение. Рядом с этой странной улыбчивой эльфийкой воздух переставал быть таким холодным.

Урок длился пару часов. Калья училась держать спину под нужным углом, опускать глаза в присутствии старших, подносить чашу с напитком так, чтобы ни одна капля не упала мимо, отвечать на приветствия той или иной степенью наклона головы. Наставница поправляла каждое движение, дыхание, моргание. К концу дня Калья чувствовала себя куклой, которую дёргают за ниточки.

Лиа проделывала все те же изнурительные упражнения, но умудрялась сохранять на лице улыбку. Казалось, вся эта вековая напыщенная церемонность искренне её развлекала.

— У всех нормальных существ лица болят к вечеру от этого жуткого напряжения, — тихонько шепнула Лиадена, когда строгая наставница на секунду отвернулась к стеллажу. — А ты держись настоящим молодцом, Калья.

Калья лишь вымученно улыбнулась в ответ.

На следующий день началось то, ради чего её сюда привезли. Илидор лично провёл Калью в отдельный наглухо закрытый тренировочный зал в недрах башни, где они могли заниматься без лишних глаз и ушей.

— Ты оставила свой кулон в Элегии, — произнёс он вместо приветствия, как только тяжёлые двери за их спинами захлопнулись.

Калья молча встретила его холодный взор.

— Кому именно ты отдала его? — вкрадчиво спросил советник. — Регенту? Или..

— Я положила его на могилу Лили, — ответила Калья ровным лишённым эмоций голосом.

Илидор резко замер на полуслове. Его хвалёное безупречное спокойствие на мгновение дало трещину. Он смотрел на стоявшую перед ним девушку, и в глазах промелькнула хаотичная смесь чувств — то ли непонимание, то ли невольное уважение.

— То есть ты... добровольно оставила ценнейший артефакт, который мог стать катализатором для твоей силы и защиты... мёртвой? — медленно, словно не веря своим ушам, переспросил он.

— Лили была моей сестрой, — твёрдо и звонко отчеканила Калья, расправив плечи. — Она погибла, потому что я... потому что мы все не успели её спасти. Этот кулон когда-то принадлежал моей матери, а теперь пусть лежит в земле, охраняя покой той, кого я люблю всем сердцем.

— В тебе слишком много от эмоциональных фей, — произнёс он, качнув головой. — Глупые привязанности. Слепые эмоции. Чистейшая глупость с практической точки зрения любого

эльфа. Если ты действительно хочешь выжить в Лории, Калья, тебе лучше как можно скорее избавиться от этого балласта.

Фигура нависла над ней, загораживая свет магических ламп.

— Кулон твоей матери был всего лишь костыльным инструментом, помогающим направлять потоки магии. Твоя первородная сила дремлет глубоко внутри тебя самой. И сегодня ты начнёшь учиться вырывать её оттуда.

Илидор был суровым учителем. Он не прощал ошибок. Каждый сбой концентрации встречал уничижительным комментарием, от которого хотелось провалиться сквозь пол. Но он умел обучать. С поразительным терпением он раскладывал эльфийскую магию на составляющие, словно опытный мастер-часовщик, разбирающий сложнейший механизм на шестерёнки.

— Иллюзия — это не просто визуальный обман, не дешёвая ложь, — мерно наставлял он, прохаживаясь вокруг неё бесшумными шагами. — Это сотворение новой реальности, которая на время проецируется параллельно с истинной. Ты не должна обманывать чужие глаза. Ты обязана заставить пространство поверить, что желаемый образ должен находиться именно здесь по твоей воле.

Калья стояла в тренировочном круге, крепко зажмурив глаза. Илидор велел ей представить простейшую вещь — крошечный огонёк свечи. Не просто нарисовать его в голове, а заставить зажечься внутри груди и выдохнуть в воздух зала.

— Вспомни, как делала это с кулоном, — говорил Илидор. — Он лишь усиливал твой посыл. Сейчас усилителя нет. Есть только ты.

Калья пыталась. Снова и снова, до боли сводя челюсти. Маленький огонёк искрами вспыхивал перед лицом на долю секунды и тут же испуганно гас, неспособный удержаться. Пот градом катился по лицу, шёлковая рубашка неприятно липла к спине, а пальцы мелко дрожали от перенапряжения.

— Не сжимайся так, — голос наставника плетью резанул по натянутым нервам. — Магия эльфов не терпит грубого насилия. Если ты попытаешься судорожно сжать воду в кулаке, она лишь бесполезно вытечет сквозь твои пальцы. Расслабься. Отпусти напряжение. Доверься своей сути.

Калья шумно выдохнула и заставила себя разжать онемевшие кулаки. Она перестала концентрироваться на образе пламени. Вместо этого попыталась вспомнить само ощущение тепла. Спасительного тепла посреди этого хрустального склепа. Вспомнила горячую ладонь Киллиана, надёжно сжимающую её пальцы перед битвой. Гордый свет в глазах Мит, когда та смотрела на неё. И весёлую беззаботную улыбку Лили, ещё не тронутую тенью смерти.

Огонёк зажёгся.

Он был совсем крошечным и парил в воздухе в метре от лица. Горел удивительно ровно, не колеблясь от сквозняка зала. Калья заворожённо смотрела на это маленькое чудо, чувствуя, как к горлу подступает горячий ком, а к глазам — слёзы облегчения. *У неё получилось. Без мамино кулона.*

— Достаточно, — сухой голос Илидора мгновенно разрушил хрупкое волшебство момента. — На сегодня свободна. Завтра усложним задачу.

Огонёк тут же бесследно растаял в воздухе. Калья без сил опустилась на холодный пол с выжимающим до капли опустошением во всём теле. Но внутри неё, вопреки усталости, разгоралось упрямое пламя решимости.

Поздним вечером, когда за прозрачными стенами завывал ледяной ветер, дверь покоев бесшумно скользнула в сторону. На пороге стояла Лиа.

— Стучать в двери у нас как-то не принято, эльфы сразу беспардонно проникают внутрь. Крайне невоспитанные существа, хотя на каждом углу кичатся своим безупречным этикетом, — весело объявила она, без лишних церемоний плюхаясь в глубокое кресло. — Ну, как ты? Жива?

Калья искренне улыбнулась. Лиадена действовала на неё как пушистое шерстяное одеяло в самую суровую стужу. Рядом с этой девушкой безумно хотелось забыть обо всех масках, расслабиться и наконец перестать держать спину идеально прямой.

— Ужасно устала, — честно призналась Калья, подтягивая колени к груди. — Но... кажется, магия начинает мне подчиняться.

— О, Илидор — суший зверь, это все знают, — сочувственно кивнула Лиа. — Но надо отдать ему должное: он лучший учитель во всей Лории. Раз уж он лично тратит на тебя своё время и силы, значит, видит в тебе большой потенциал. Ко мне-то он относится... скажем так, весьма терпимо. Снисходительно.

Калья внимательно посмотрела на собеседницу, уловив странную интонацию.

— Почему ты здесь, Лиа? — спросила она прямо. — Ты абсолютно не похожа на всех этих замороженных эльфов вокруг.

Лиадена грустно улыбнулась, а в глубине её тёплых карих глаз на мгновение промелькнула тень давней обиды.

— Моя бабка по материнской линии была точно такой же бунтаркой, как и твоя мама, — тихо произнесла она, посмотрев на заснеженные вершины за стеклом. — Вместо того чтобы выйти замуж за какого-нибудь брезгливого чистокровного лорда, она без памяти влюбилась в brutального оборотня. Представляешь себе этот скандал? Впрочем, глядя на местных мужчин, я её прекрасно понимаю, — Лиа тихонько захихикала, но быстро посерьёзнела: — Но, в отличие от твоей матери, моя бабушка осталась здесь. Она родила мою маму в Лории. И всю свою жизнь они обе расплачивались за этот «грязный» выбор холодными взглядами за спиной, презрительным шёпотом и закрытыми дверями. Я выросла в этой системе. Я до мелочей научилась искусно имитировать их идеальность, чтобы стать своей среди чужаков. Но тепло... тепло они у меня отнять не смогли. Оно глубоко внутри, Калья. И туда им ни за что не добраться.

Лиадена слишком хорошо знала истинную цену улыбкам, которые изо дня в день приходится дарить тем, кого в глубине души презираешь или боишься.

— Ты pomoжешь мне... обосноваться здесь? — тихо спросила Калья.

— Конечно, — без колебаний отозвалась Лиа со своей неизменной согревающей улыбкой. — Ты мне действительно нравишься, Калья. В тебе чувствуется стержень. Такой же крепкий, как у меня. Вдвоём в этом склепе нам точно будет легче. Да и, знаешь... не все эльфы здесь настолько суровы и безнадёжны, какими отчаянно хотят казаться. Например, Хайдер.

— Хайдер? — Калья иронично усмехнулась, невольно качнув головой, и глубже откинулась на мягкую спинку кресла. — Тот надменный юноша, который за весь урок даже не соизволил повернуться в мою сторону и весь его вид так и говорил, что я для него пустое место?

— Он самый, — Лиа подалась вперёд. Голос, утратив лёгкость, наполнился глубиной. — С виду милашкой не кажется, согласна, но он добрее многих здесь. Просто вынужден носить эту маску, как и мы все.

— Откуда ты знаешь? — Калья прищурилась.

Лиадена выдержала выразительную паузу. Она медленно опустила глаза, разглаживая складки на платье. Когда же она снова подняла взгляд на Калью, в нём светилась обнажённая хрупкая правда.

— Он мой жених, — тихо, со странной светлой грустью произнесла Лиа. — Нас обручили по расчёту старших семей. Моё родство с королевской династией делало меня вполне приемлемой партией для его знатного дома, если закрыть глаза на «грязное» происхождение моей матери. Никто из лордов не спрашивал нашего мнения. Нас просто поставили перед фактом в один из званных вечеров.

Она грустно усмехнулась, но усмешка вышла удивительно мягкой.

— Я тогда выплакала все слёзы. Думала, что моя жизнь окончательно разрушена и впереди лишь холодный долг. А Хайдер... пришёл ко мне сам тайно через неделю после обру-

чения. Он просто хотел узнать меня поближе. Без свидетелей и условностей. Для эльфов это поистине невероятный неслыханный поступок.

Калья молчала, затаив дыхание и боясь прервать эту внезапную искреннюю исповедь.

— За всё это время... — Лиадена на секунду запнулась, бережно подбирая слова. Тонкие пальцы нервно теребили край платья. — Мы научились видеть друг друга сквозь любые преграды. Понимать без слов. Знаешь, каково это — мимолётно встречаться взглядами на пафосных официальных приёмах, когда вокруг вас сотни следящих глаз? Когда он незаметно улыбается одними лишь уголками губ, а ты чувствуешь это тепло кожей, даже если стоишь на другом конце зала?

Она подняла влажные глаза на Калью. В них блеснули слёзы, которые она больше не пыталась прятать.

— Просто здесь... — она обвела рукой комнату, стены, за которыми простиралась Лория, — здесь нельзя показывать чувства. Это сочтут за слабость. Растопчут и не заметят. Мы ждём, когда уже вступим в брак, чтобы хотя бы дома быть собой.

Калья смотрела на неё и чувствовала, как внутри разлилось чистое без горечи и зависти чувство. Лиа нашла своё счастье даже в холодном сердце Лории.

— У вас обязательно всё будет хорошо, — с глубокой верой прошептала Калья.

Лиа улыбнулась сквозь выступившие слёзы:

— Да. Мы справимся, несмотря ни на что.

Она осторожно накрыла ладонь Кальи своей.

— А как же ты? — осторожно спросила Лиадена, вглядываясь в осунувшееся лицо новой подруги. — Остался ли у тебя в Элегии кто-то, кого ты любишь?

Калья замерла. Ладонь под рукой Лиадены мелко дрогнула.

Девушка отвела взгляд к огромному окну, за которым неумолимо угасал холодный горный закат. Багровые полосы лениво тянулись по бледнеющему небу, цеплялись за острые безжалостные пики скал и медленно растворялись в наступающих фиолетовых сумерках. И в этом угасающем закатном пламени перед ней с поразительной отчётливостью проступило лицо с вечно взъерошенными тёмными волосами. Глаза, в глубине которых всегда горел задорный огонь, который она так сильно полюбила и так отчаянно пыталась защитить. Её раненый упрямый ворон, оставшийся за заснеженными перевалами.

Калья до боли сжала свободную руку, чувствуя, как воспоминание о нём согревает изнутри, не давая хрустальной стуже Лории окончательно забрать её душу.

Калья до боли сжала свободную руку, чувствуя, как воспоминание о нём согревает изнутри, не давая хрустальной стуже Лории окончательно забрать её душу.

— Был, — после звенящей паузы ответила Калья. Каждое воспоминание отзывалось в груди физической болью.

— Он... жив?.. — тихо спросила Лиадена.

— Я чувствую, что да, — слова вырвались хриплым шёпотом. — Когда я уходила... он лежал без сознания. На грани.

Калья сжала свободную руку в кулак с такой силой, что ногти до крови впились в ладонь. Эта резкая острая боль немного отрезвила её, помогая удержаться на краю и не рухнуть в тёмную бездну отчаяния, которая так настойчиво манила её к себе все эти дни.

— Я оставила ему свой кулон, — призналась она, глядя прямо перед собой. — Который когда-то принадлежал моей матери. Единственную вещь, которая была у меня по-настоящему ценной. Единственное, что связывало меня с домом.

В горле встал болезненный спазм. Полуэльфийка крепко закусила губу, изо всех сил сдерживая подступающие слёзы.

— Ты его очень сильно любишь, — грустно, но с пониманием подтвердила Лиа. Она сжала ладонь Кальи ещё крепче, делясь своим теплом: — Можешь считать меня глупой и наивной, но я искренне верю: однажды мы сможем всё изменить. Наперекор их законам.

Это тихое заявление прозвучало как дерзкий отчаянный вызов всей угасающей империи эльфов.

Калья сделала глубокий вдох и попыталась улыбнуться — на этот раз чуть более искренне. Ей отчаянно хотелось верить в эти слова. Она понимала: если сейчас падёт её дух, если она позволит этому хрустальному величию поглотить себя, то спасти свою душу и тех, кто остался в Элегории, ей уже никогда не удастся.

Глава 3

Солник никогда не считал себя героем или кем-то особенным. Он был самым простым феем, выросшим на улицах крошечного городка на юге Элегории. В тех краях все знали друг друга по именам, а жизнь текла размеренно и лениво. Отец и мать от зари до зари трудились в поле, как и сотни других работающих фей. У них не было благородных титулов, золота в сундуках и влиятельных покровителей в столице.

Но у Солника было то, что держало его на плаву даже в самые беспросветные минуты — память о тепле родного очага, запаха свежеспеченного матерью хлеба и тихий шелест отцовских крыльев за вечерним чаем.

В королевскую гвардию он записался скорее от растерянности. Солник просто не знал, кем ещё стать. Перспектива всю жизнь копать в земле и следить за созреванием урожая казалась ему скучной и однообразной. Гвардия виделась выходом — широкой дорогой, которая обязательно ведёт куда-то за горизонт. Куда именно? Он не имел представления. Знал одно: нужно расправить крылья и лететь вперёд.

Тогда вороны ещё не были врагами. Они были соседями — опасными, дикими, но не врагами. Торговые пути через Коракс работали, послы обменивались вежливыми письмами, границы патрулировали, но не крепили частоколами. Солник помнил те относительно мирные времена. Помнил, как у походных костров старшие гвардейцы шёпотом травили байки о воронах — об их мрачном даре и жуткой завораживающей грации в бою. Тогда это было просто страшными сказками. Реальность, обрушившаяся на них позже, оказалась гораздо страшнее любых легенд.

Несколько лет Солник был рядовым воином. Выполнял приказы, патрулировал границы, подавлял мелкие бунты. Ливьер заметил его случайно на плацу во время учебного боя. Солник сражался с двумя соперниками одновременно — быстрый, ловкий, неутомимый. Он не был сильнее — он был проворнее. Уклонялся и взлетал, наносил удары оттуда, откуда его не ждали.

— Как тебя зовут, боец? — громыхнул Ливьер, когда пыль на плацу улеглась, а соперники Солника тяжело дышали, признав поражение.

— Солник, командующий, — ответил парень, шумно выдыхая и утирая грязным рукавом пот со лба.

— Ты проворный, — прищурился старый лис. — Обычно такие, как ты, сразу просятся в лучники или уходят в лёгкую разведку, а ты предпочитаешь драться в строю. Почему?

— Я дерусь там, где я сейчас нужнее всего, — спокойно и без тени бахвальства ответил Солник, прямо встретив взгляд старика.

Ливьер долго всматривался в его лицо, а затем коротко одобрительно кивнул.

Так Солник попал в число немногих избранных, кого старый командующий тренировал лично. Ливьер никогда не брал любимчиков за красивые глаза или знатное происхождение — он приближал только тех, в ком видел неслгибемый внутренний стержень. В Солнике он разглядел именно это: редкую практичность и полное отсутствие желания казаться кем-то большим, чем он был на самом деле.

Учебные будни под началом Ливьера превратились в настоящий ад. Старик не щадил никого. Ему было плевать на знатность рода, на слёзы и на то, что ученики скулили по ночам в казармах от невыносимой мышечной боли. Он гонял их до кровавого пота и полной потери ориентации. Заставлял подниматься с колен, когда ноги отказывались держать тело, и продолжать держать меч, когда пальцы судорожно сводило, а крылья безжизненно висели за спиной.

Солник десятки, сотни раз зарывался лицом в грязь плаца. Ему казалось, что лёгкие сгорят от нехватки воздуха, а кости вот-вот хрустнут под очередным ударом меча. Но каждый

раз, стискивая зубы до крошева и сплёвывая кровь, он упрямо поднимался на ноги. Именно эта простая упорность — вставать после каждого падения — и сделала его тем, кем он стал теперь.

— Почему ты не сдаёшься, парень? — спросил его однажды Ливьер, тяжело опираясь на тренировочный двуручный меч и глядя на покрытого синяками Солника.

— Вы всё равно не остановитесь, — хрипло ответил тот, утирая кровь с разбитой губы. — Вы будете гнать меня, пока я не встану сам. Или пока не сдохну, а я очень не хочу умирать.

Ливьер одобрительно усмехнулся:

— Умный мальчик. Из тебя определённо выйдет толк.

Солник никогда не забудет свою первую встречу с бескрылой принцессой Элегии. Даже лишённая крыльев, Мит умудрялась производить впечатление опасного существа, способного без колебаний снести голову любому, кто встанет у неё на пути. Солник не раз видел её в тренировочных боях — она дралась отчаянно, зло, совершенно не щадя собственного тела. С годами её внутренняя боль превратилась в сталь. Из покалеченной сломленной жертвы родился грозный беспощадный воин.

Многие придворные снобы смотрели на изувеченную принцессу с плохо скрываемой жалостью или брезгливостью. Солник прекрасно знал, какие грязные слухи они распускают за её спиной. Знал он и то, что Мит всё это слышит. Но она демонстративно не обращала внимания на яд толпы. Именно в те дни в душе Солника родилось глубокое уважение к этой сильной женщине. Это чувство сперва сделало его самой надёжной опорой Мит в гвардии, а в эти тёмные времена, превратило в главнокомандующего и защитника всего израненного королевства.

Операция в Кораксе заняла семь дней. Семь дней сырости, запаха старой крови и чужого страха. Солник ходил по камерам гнезда, считал пленных. Некоторые из спасённых не могли говорить. Другие говорили слишком много — бессвязно, путанно, о том, что видели, слышали, чувствовали. Солник понимал их, потому что сам лишился крыльев. Ощущение отсутствия части своей души было мучительным, опустошающим. Но мысли о Мит, её упорстве и силе духа не давали Солнику сломаться.

Освобождённые вместе с гвардией шли по пустоши. Мир вокруг был мёртвым. Солник наблюдал за обычными воронами, которые попадались на пути. Эти существа не пытались нападать и не выказывали удивления при виде вооружённого отряда фей. В их глазах застыла апатичная покорность судьбе.

На крыльце полуразрушенной покосившейся хижины сидела женщина с воспалёнными красными глазами. Она безучастно смотрела в серую пустоту перед собой. Иссохшие, покрытые глубокими трещинами руки безвольно лежали на коленях. Она даже не подняла головы, когда мимо неё, гремя доспехами, проходил отряд.

Солник подумал: *«У неё есть дети? Или она сидит здесь одна, день за днём, и ждёт смерти в одиночестве?»*

Вдруг из-за угла хижины показался ребёнок, сжимающий в руках грязную тряпичную куклу — девочка лет пяти, похожая на смешного птенчика воронёнка с небольшими крылышками. Она не боялась фей, наоборот, с интересом разглядывала их причудливые крылья: у кого-то дарованные друидами, у кого-то свои, искрящиеся магией. Солник встретился с ней взглядом и насколько мог дружелюбно улыбнулся. Девочка долго смотрела на него, а потом и сама робко улыбнулась.

Этот короткий безмолвный контакт оставил в душе Солника глубокий след. Он продолжал размышлять о том, что все эти существа — несчастные мирные жители Коракса — оказались брошены на произвол судьбы, оставлены медленно погибать на этой отравленной земле. Солник не понимал, что именно должен чувствовать. Жалость? Отвращение? Или всё же выжигающую ненависть за то, что сделал их народ? Противоречивые чувства смешались внутри в один горький комок, который никак не получалось сглотнуть.

Лиран шёл рядом с ним. Он хранил угрюмое молчание, но по напряжённой челюсти и цепкому взгляду Солник понимал: друг видит и чувствует ровно то же самое.

— Там... — голос Лирана внезапно прозвучал тихо, как натянутая струна. — Впереди движение.

Солник поднял сжатый кулак. Отряд синхронно замер, оружие тихо звякнуло о доспехи. Ветер завыл в пустоши с новой силой, поднимая тучи серой пыли и бросая её в лица воинов.

Послышался прерывистый взмах крыльев.

Из плотной серой мглы один за другим начали выступать вороны. Их было немного, но все они были вооружены и источали дикий звериный голод, который уже ничто в этом мире не могло утолить. Страх перед богом Смерти ненадолго захватил их разум, как ожидали феи.

Впереди группы летел огромный широкоплечий ворон. Свиристое лицо было сплошь исполосовано глубокими шрамами, а в могучей руке он сжимал тяжёлый боевой топор на коротком удобном для ближнего боя древке.

Гиран.

Он сбежал, когда Габриэла пала, и теперь бродил по Кораксу с остатками своей разбитой стаи. По сводкам, их было намного больше. Они орудовали группами, но без сомнения подчинялись Гирану.

— Смело было приходить на чужую землю, — прохрипел Гиран, и изуродованное шрамами лицо перекосило от злобы.

Солник хранил молчание. В памяти проносились лица тех, кто покинул этот мир из-за чёртовых воронов. И в голове настойчиво крутились одни и те же вопросы: *«Зачем мы продолжаем безжалостно убивать друг друга? К чему все эти бесконечные смерти, если в конце от наших миров всё равно останется лишь пепел?»*

Гиран не дал ему много времени на размышления.

— Руби их! — оглушительно взревел он, взмахнув топором.

Вороны хищным порывом рванулись вперёд. За их спинами расправились мощные крылья, окутанные зловещими искрами магии. Гиран взмыл в воздух первым, тяжёлый топор окутлся синим мёртвенно-ледяным свечением. Воздух вокруг мгновенно похолодел, запахло озоном, грозой и близкой кровью.

Всё случилось в один миг. Десятки тел — огромных, тяжёлых, с мечами и секирами — обрушились на отряд. Солник не успел выкрикнуть приказ. Гвардейцы сработали сами. Те, кто нёс пленных, пригнулись, закрывая их собой. Те, кто был с оружием, выставили щиты, сомкнули строй. А за их спинами, с тихим хрустом живого дерева, расправились крылья из светящихся ветвей — дар друидов, который получили выжившие в Земле Тишины. Зелёное сияние вспыхнуло над отрядом, отражая первые магические удары воронов.

Солник почувствовал, как его еловые крылья с шелестом раскрылись за спиной. Они приняли на себя основной ледяной залп Гирана. Острая жгучая боль пронзила плечи командующего, но он устоял, не сделав ни шагу назад.

Металл со звоном встретился с металлом. Пустошь наполнилась яростными криками, лязгом клинков и предсмертными хрипами. Разноцветные вспышки магии резали мрак Коракса, выхватывая искажённые злобой и болью лица.

Солник действовал на пределе возможностей: рубил, колот, уклонялся от замахов. Клинок с влажным хрустом находил бреши в доспехах врагов. Чужая кровь брызнула на лицо, смешиваясь с потом. Деревянные крылья работали не только на защиту — они хлестали, как боевые цепи, отбрасывая нападавших воронов, сбивая с ног и ломая кости, иголки впивались в слабые места противников.

Рядом отчаянно дрался Лиран. Он надёжно прикрывал пленных, одновременно отбивая удары топоров сразу двух нападавших. Крылья с сухим шуршанием то раскрывались, принимая на себя удары, то мгновенно складывались, гася остатки чужой магии.

Бой кончился через, казалось, вечность. Вороны отступили — их осталось слишком мало. Выжившие смотрели на фей с ненавистью, но не лезли вперёд. Крылья, когда-то полные чужой силы, сейчас тускло неровно мерцали.

Гиран стоял в эпицентре кровавой сцены, тяжело и хрипло дыша. Синее свечение на топоре окончательно угасло, превратив оружие в обычный кусок металла. Лицо было полностью залито кровью из рассечённого лба.

Гвардейцы сомкнули строй. Пленные жались друг к другу, закрывая головы руками. Зелёные крылья за спинами гвардейцев складывались, превращаясь в безобидные корешки.

Лиран неторопливо вытер окровавленное лезвие меча и повернулся к командиру. На лице читалась крайняя озабоченность.

— Друг, надо уходить, — негромко произнёс он. — И как можно скорее, пока к ним не подтянулись остальные.

— Знаю, — коротко бросил Солник.

Он ни на секунду не отводил пристального взгляда от Гирана. Раненый вожак воронов стоял неподвижно, с трудом опираясь на древко топора. В его глазах горела выжженная дотла ненависть.

— Уводи существ, — скомандовал Солник. — Я догоню вас.

Лиран открыл было рот, готовый пойти против приказа, но встретившись с непреклонным взглядом главнокомандующего, глухо вздохнул. Спорить с Солником было бесполезно. Упрямство командира давно стало легендой среди гвардейцев.

Лиран сделал короткий взмах рукой, подавая знак отряду. Строй гвардейцев плавно развернулся, надёжно укрывая испуганных пленных щитами, и колонна начала торопливо отходить.

Солник остался один. Перед ним — Гиран. Вокруг — трупы. Воздух ещё гудел от магии, оседая на языке металлическим привкусом.

— Думаешь, я боюсь тебя? — прохрипел Гиран.

Огромная рука, сжимающая топор, заметно дрожала от потери крови и перенапряжения.

— Нет, не меня, — спокойно ответил Солник, крепче перехватывая рукоять меча. — Ты до ужаса боишься того, что всё кончено. Тебе никого не обмануть своей бравадой. Бог Смерти ждёт тебя, Гиран.

Ворон яростно зарычал и, собрав последние силы, рванулся вперёд. Топор описал в воздухе свистящую дугу. Солник легко ушёл в сторону от предсказуемой траектории и сделал быстрый точный выпад. Острие меча вошло неглубоко, задев плечо ворона. Гиран взревел от боли и снова замахнулся. Но Солник действовал на опережение: жёстко перехватил запястье, рванул на себя, заставляя огромного противника потерять равновесие. Топор со звоном выпал из онемевших пальцев ворона и глухо стукнулся о камни.

В следующее мгновение Солник нанёс один точный удар — прямо под колено, где сухожилие крепится к суставу.

Гиран грузно рухнул на бок. Звук напоминал падение огромного, подрубленного дерева. Могучие крылья ворона безжизненными грязными лоскутами волочились по пыльной земле. Он хрипел и отчаянно пытался подняться, но повреждённая нога совершенно не слушалась — она беспомощно дёргалась.

Солник занёс меч, глядя на поверженного врага сверху вниз. На лицо, искажённое жгучей болью и яростью. На глаза, в глубине которых метался животный страх, пополам смешанный с бессильной злобой.

— Чего ты ждёшь, фей?! — прорычал ворон, брызгая слюной с кровью. — Добей меня! Стальное лезвие замерло в воздухе.

Убийство не вернёт павших. Ненависть не лечит раны. Когда-то вороны не были врагами. Они умирали от голода. Их земля была мёртвой. Они сами были почти мёртвыми — кого бог Смерти мечтал забрать.

— Гиран, — тихо проговорил Солник. — Ты хочешь жить?

Глава 4

Mum

Время вернуть Найлу наконец настало.

Холод Лории проникал под одежду, скользил по коже, забирался в лёгкие, делая каждый вдох тяжёлым и прерывистым. Воздух в этих землях был абсолютно стерильным, начисто лишённым привычных для феи запахов земли и цветущих трав Элегии. Даже свет, падающий с высоких хрустальных сводов, казался искусной подделкой.

Наша повозка бесшумно скользила по белому камню. Магические диски еле касались поверхности, оставляя за собой лёгкое мерцание. За нами тянулись ещё две — со свитой советников, которых я восстановила при дворе после коронации Калиона. Старые имена, старые лица. Кто когда-то отворачивались, когда я проходила мимо. Кто шептались за спиной, ставили под сомнения мои решения. Мне не хотелось возвращать этих кретинов, но они нужны Калиону. У нового короля должны быть опытные советники. Я не имела права ставить личные обиды выше интересов Элегии.

Но эти господа прекрасно чувствовали мою ненависть. Они улавливали её в каждом взгляде, в каждой слишком затянувшейся паузе перед тем, как я снисходила до обращения к ним. Я ничего не забыла. Я временно отложила этот счёт на потом.

— Регент, — вкрадчивый чуть дребезжащий голос советницы Илайи донёсся из-за спины. — Нам необходимо детально обсудить протокол предстоящей встречи. Эльфы крайне трепетно относятся к церемониалу и...

— Я прекрасно знаю, к чему они относятся трепетно, — оборвала я её на полуслове, даже не удосужившись повернуться. — И отлично знаю, как себя вести. Вы же будете говорить только тогда, когда я лично предоставлю вам слово. И произносить будете исключительно то, что я вам велю.

Повисла пауза. Я буквально лопатками чувствовала её липкий взгляд. Они все слишком привыкли видеть во мне искалеченную девчонку без крыльев, а не регента королевства. Но никто не выступал. Они хорошо выучили жестокий урок на примере Герция.

— Правила нашего пребывания здесь предельно просты, — продолжила я ровным тоном, глядя на стремительно приближающиеся хрустальные шпили. — Вы будете молча наблюдать, внимательно слушать и скрупулёзно запоминать. Любое обронённое слово, любой мимолётный жест, любое движение эльфов — всё должно быть зафиксировано в ваших головах. Если же кто-то из вас решит, что его личное мнение важнее моих прямых приказов... — я позволила себе холодную улыбку: — ...я оставлю вас в Лории. Навсегда.

Тишина после моих слов стала почти осязаемой. Даже Дакар, сидящий рядом, бросил на меня короткий взгляд. Я знала, что он думает. Что эта жёсткость — прикрытие для страха, который грызёт меня изнутри. Мне приходится натягивать доспехи из шипов.

Я ощутила присутствие древней магии эльфов с той секунды, как наша повозка пересекла невидимую границу их владений. Эта чужеродная сила обволакивала тело со всех сторон, давила на плечи и грудную клетку, намереваясь раздавить, как надоедливую букашку. Меня начало подташнивать. Желудок болезненно сжимался от глубоких вздохов, голова шла кругом, а к горлу настойчиво подступала горькая желчь. С трудом подавив рвотный позыв, я сжала челюсти с такой силой, что в ушах зазвенело, а зубы заныли от напряжения.

Я не покажу им своей слабости. Никогда.

Калья, должно быть, чувствовала то же самое, когда въезжала сюда. Для меня красота эльфийского королевства была оскорблением. Каждая хрустальная грань, безупречная линия

кричала о том, что здесь нет места живому. Что здесь правят совершенство и порядок, которые душат всё, что не вписывается в их чертежи.

Наша повозка плавно замедлила ход. Впереди выросли величественные главные ворота. Хрустальные створки распахнулись, открывая знаменитые королевские сады Лории. Дорожки, выложенные безукоризненным белым камнем, вились между ровными рядами деревьев с тонкой серебристой листвой. Цветы невиданных вычурных форм раскрывали бутоны навстречу свету, а фонтаны рассыпали мириады водяных брызг, которые взлетали и падали в такт безмолвной музыки.

Но растения не росли из земли.

Я присмотрелась внимательнее, и тошнота скрутила желудок с новой силой. Деревья, кусты, прекрасные цветы — всё было искусственно посажено в хрустальные сосуды, до краёв наполненные мутной неестественно белой жидкостью. Корни, которые по законам природы должны были глубоко уходить в живую землю, торчали из этих сосудов, словно перерезанные вены, судорожно впитывая остатки закачиваемой в них магии.

Земля под этими сосудами была пепельно-серой. Покрытой глубокими сухими трещинами. Эта почва больше не давала жизни. Она безмолвно терпела её имитацию на своей поверхности.

Я перевела взгляд на Дакара. Он тоже пристально смотрел на этот фальшивый сад, и его и без того суровое лицо стало ещё жёстче. Израненная земля в Кораксе была бесплодной, но она хотя бы оставалась честной и не притворялась живой. В Лории же смерть была трусливо задрапирована в серебро и хрусталь.

— Подумать только, как быстро проклятие превратило землю «великих и чистокровных» эльфов в склеп, — хмыкнул Дакар.

Повозка остановилась у подножия лестницы. Магические диски коснулись камня в последний раз и замерли.

Выходя из повозки и поправляя подол тяжёлого регентского платья, я на мгновение задержала взгляд на втором экипаже нашего кортежа. Там, укрытый плотным куполом магии невидимости, сидел Киллиан. Я знала, что кулон Кальи чувствует хозяйку, и понимала, как трудно Киллу сохранять спокойствие. Он тренировался до изнеможения, засыпая от истощения, лишь бы поскорее научиться использовать артефакт. К счастью, высшие силы — или, возможно, последняя отчаянная воля самой Кальи — помогли ему подчинить себе иллюзию.

Подолы туфель коснулись гладкой белой плиты. Земля под этим безупречным камнем была такой же мёртвой. И сам камень это знал, передавая могильный покой каждому, кто на него ступал.

Нас встречали со всей подобающей пышностью. Илитор стоял во главе приветственной делегации. Облачённый в струящуюся серебристую мантию, он замер с руками, сложенными на груди в традиционном жесте. Лицо казалось маской безупречной вежливости, но холодные глаза цепко скользнули по мне и Дакару, задержавшись на нас дольше положенного.

— Регент, мы рады приветствовать вас в Лории. Ваше прибытие — большая честь для нашего королевства, — его голос звучал нарочито мягко.

— Благодарю, — ответила я, выдерживая его взгляд. — Мы пришли с миром и надеждой на прочный союз между нашими народами.

Слова были правильными. Тон — безупречным. Но мы оба знали, что это только слова. Илитор жестом пригласил нас следовать за ним.

Каждый шаг давался мне с трудом. Я чувствовала себя ненужным придатком, вшитым в живую ткань. Эльфийская магия заставляла сопротивляться, но я шла, высоко подняв голову, расправив плечи, с лицом, которое не выдавало слабости. Среди мёртвой красоты я была живым напоминанием о том, что они уже проиграли. И я хотела, чтобы они это видели.

В конце величественного сада, на высоком круглом возвышении из монолитного белого камня, нас ждал правитель. Я неоднократно видела его портреты, но ни один, даже самый талантливый художник не смог бы передать то гнетущее чувство, которое я испытала, оказавшись с ним лицом к лицу. Пугающий тип. Изношенная плоть казалась пергаментом, натянутым на острые скулы. А на голове, удерживаясь не столько на королевском величии, сколько на тонких хрустальных нитях, была знаменитая корона Ислиа.

Я остановилась у подножия возвышения. Позвоночник оставался прямой линией. Я не склонила голову в приветственном поклоне. Не опустила взгляд перед древним правителем Лории.

— Мит Илвиннор, — голос короля Лифея скрипнул, словно сухая ветка под ногами, нарушая стерильную тишину сада. — Вы действительно пришли говорить о мире?

— Я пришла говорить о будущем, — ровно произнесла я, силой воли гася любые проблески истинных эмоций. — О мире, который имеет все шансы стать прочным, и о союзе, который принесёт неоспоримую пользу обоим нашим королевствам.

Лифей взвешивал мои слова на чистоту. От его взгляда не ускользнуло и то, что я пришла со свитой советников, а не армией.

— Вы смелая, — сухо констатировал он. — Пожалуй, ваша репутация не лжёт.

— Я надеюсь, что моя репутация говорит лишь об одном: я всегда делаю то, что должна. И никогда не трачу силы на лишнее.

Краешек его тонких бескровных губ слегка дрогнул. Он медленно кивнул, и в этом скупом жесте проскользнуло то, чего я меньше всего ожидала увидеть от надменного эльфийского короля. *Уважение.*

— Ваш отец был мудрым правителем. Он понимал цену слова и тяжесть короны. Я вижу, что вы пошли в него.

— Я стараюсь быть достойной его памяти, — бесстрастно отозвалась я. — И мой брат, король Калион, продолжит это наследие. Я здесь для того, чтобы обеспечить его правлению мирное будущее.

Король сверкнул глазами, но кивнул. Ледяной взгляд сместился в сторону, заскользив к стоящему рядом Дакару, и замер на нём.

— Ваш советник — ворон, — с брезгливым удивлением заметил Лифей. — Разве это приемлемо?

Я почувствовала, как Дакар мгновенно напрягся всем телом. Рука сжалась в тугой кулак, но лицо осталось безупречно непроницаемым.

Лифей смотрел на нас сверху вниз, и в ледяных глазах читалось холодное любопытство. Для него это был не вопрос морали. Это был расчёт. Вес, который нужно измерить, прежде чем решить, иметь ли с нами дело.

— Дакар — мой союзник, — произнесла я так, чтобы каждый звук был слышен звонко в этом мёртвом месте. — Он сражался на стороне Элегории в войне против безумия Габриэлы.

— Выбирать сторону сильнейшего — весьма разумно для выживания, — с усмешкой на тонких губах парировал король. — Даже если этот «сильнейший» совсем недавно казался тебе лишь лёгкой добычей.

— Я выбрал тех, кто защищает жизнь, а не пожирает её ради утоления вечного голода, — жёстко, с металлом в голосе отрезал Дакар.

Лифей хмыкнул. Короткий сухой звук прозвучал в хрустальном саду неестественно громко и фальшиво.

— Интересный выбор для ворона, — задумчиво протянул он. — Впрочем, все мы сейчас живём в крайне интересные времена. — Он снова вернул внимание на меня: — Ваш ворон говорит на удивление складно, регент. Что ж, посмотрим, останется ли его речь столь же гладкой и убедительной, когда дело дойдёт до настоящих испытаний.

Старый ублюдок. Я тебе сама такие испытания устрою, что от тебя и праха не останется!

Король, видимо, окончательно утомившись от нашей вынужденной компании, прикрыл веки. В этом царственном жесте читалось: на сегодня разговор окончен, аудиенция завершена.

— Вас ждут подготовленные покои, — не открывая глаз, произнёс Лифей. — Отдохните с дороги. Завтра мы поговорим о делах.

Мы развернулись и направились обратно через безупречный, пугающий своей стерильностью сад. Мимо идеальных, лишённых запаха цветов, мимо фонтанов, поющих воду, которая забыла что-то такое о настоящей жизни. За нами испуганными тенями следовала свита советников.

Стоило нам выйти за пределы видимости эльфийских стражей, как Дакар взял меня за руку. Горячие сильные пальцы крепко сжали мою ладонь, возвращая из оцепенения.

— Он нам подкинет неприятностей, нужно быть начеку, — прошептал Дакар.

Слова Лифея про «настоящие испытания» звучали до чертиков пугающе. Магия эльфов заключалась в иллюзиях, давлении и тонком наваждении. Они наверняка попытаются залезть к нам в головы и подчинить своей воле.

Я уже ощущала, как липкая магия всю скользит по границам сознания. Она осторожно пробовала щиты сознания на прочность, искала малейшие трещины. Эльфы уже начали свой невидимый допрос. Свою изощрённую игру. Они отчаянно хотели заглянуть внутрь меня, увидеть потаённые страхи, нащупать самые болезненные слабые места и узнать, на что именно я готова пойти, чтобы вернуть Найлу.

Я улыбнулась этой мысли. Ты хочешь заглянуть мне в голову, Лифей? Заглядывай. Но знай: там, где ты увидишь мою безграничную любовь к этой девочке, ты неизбежно наткнёшься и на мою готовность сжечь ваши хрустальные чертоги дотла.

Дакар больше не произносил ни слова, но я кожей чувствовала его негласную поддержку. Он тоже был готов. В его душе хранилось то, что эльфы Лории страстно захотели бы использовать против нас: ужасы Коракса, грехи и отчаянное желание искупить прошлое.

Первая битва разумов была официально открыта.

Мы вошли в отведённые нам покои, и только тогда я позволила себе выдохнуть. Тяжёлая хрустальная дверь со звонким щелчком закрылась за нашими спинами. Я бессильно прислонилась спиной к холодной стене и прикрыла глаза. Воздух в этих комнатах был точно таким же чужим — напрочь лишённым живых запахов, пустым. Но здесь я могла хотя бы на время расслабить затекшие мышцы и не держать спину идеально прямой, изображая несокрушимого лидера.

— Завтра начнётся настоящая игра, — тихо сказала я, глядя на Дакара. — Сегодня они дают нам время осмотреться, успокоиться, почувствовать себя в безопасности. Завтра начнут давить.

— Ты готова к этому? — Дакар повернул ко мне голову. Голос звучал глухо, но в нём чувствовалась собранность прирождённого воина перед неизбежным штурмом.

Я посмотрела на свои руки. Это были руки, которые ни разу не дрогнули, когда приходилось отнимать жизни у врагов на поле боя. И эти же самые руки с трепетом и невероятной нежностью держали когда-то хрупкую розу для Найлы.

— Ради неё я готова на всё.

Дакар направился к огромному стрельчатому окну, за которым во всём своём фальшивом величии простиралась Лория. Где-то за этими безупречными ледяными стенами, прямо сейчас насильно держали нашу маленькую девочку.

Я подошла к нему, склонившись к плечу. За окном медленно догорал холодный безжизненный закат. Лучи, преломляясь в хрустальных гранях башен Лории, окрашивали весь город в цвет запекшейся крови.

— Мы вернём её, Дакар, — со стальной уверенностью проговорила я, глядя на багровеющие шпильки. — Чего бы нам это ни стоило.

Глава 5

Калья шла за Илидором по коридорам, которые не были похожи на остальную часть дворца, где обычно проходило её обучение. Здесь не было хрустальных стен, отражающих свет. Здесь царил камень. Серый, холодный, грубый — он помнил прикосновение рук, строивших эту крепость задолго до того, как эльфы научились украшать свои чертоги. Пол под ногами становился всё более неровным. Крутые каменные ступени, вырубленные прямо в скале, уводили их глубоко вниз. С каждым шагом воздух делался плотнее, сжатее. Разлитая по всей Лории магия стусилась в этом месте до состояния вязкой субстанции. Она обволакивала лицо невидимой влажной маской, заставляя лёгкие работать на пределе возможностей, требуя делать вдохи глубже и чаще.

Они остановились перед массивной дверью из тёмного металла. Илидор безмолвно прижал к поверхности раскрытую ладонь, и створки с шорохом разошлись.

Калья невольно замерла на пороге от открывшегося величия.

Пространство огромного зала уходило высоко вверх, полностью теряясь в непроглядной тьме под сводами. Все стены были покрыты искусной резьбой — в плавных линиях, казалось, было навечно запечатано само рождение первозданной магии, которую невозможно было полностью обуздать.

У дальней стены возвышалась круглая площадка, высеченная из куска сланца. Камень под ногами мерно дышал и реагировал на их шаги приглушённой вибрацией.

— В этом зале на протяжении веков тренировались будущие короли, — произнёс Илидор, проходя в центр круга. — Именно здесь они учились подчинять себе магию, которая никогда не прощает слабости и сомнений.

Калья сделала решительный шаг и ступила на вибрирующую площадку. Под подошвами древний камень тут же отозвался низким протяжным гулом. Она ощутила, как концентрированная магия Лории тонкими холодными змейками поднимается из неизведанных глубин, плотно обволакивает лодыжки и ползёт выше по телу, жадно пробуя на вкус её скрытые эмоции: потаённый страх, глухой гнев и щемящую тоску.

— Я хочу научиться всему, что способна вместить, — проговорила она, прямо глядя на Илидора.

— Ты не знаешь, о чём просишь, — фыркнул он. — Наша магия — это тяжесть. Она требует платы. Иногда — частью себя. Иногда — тем, что ты любишь больше всего.

— Я уже заплатила, — со злостью выплонула Калья, сжав кулаки.

— Что ж... тогда покажи мне, чего ты стоишь.

Он поднял руку, и свет вокруг Кальи погас. Ощущение пульсирующего камня под ногами полностью исчезло, земля ушла из-под ног.

Воздух вокруг внезапно сделался непривычно тёплым, напоённым ароматами цветущих садов далёкой Элегии, сладкого дикого мёда и свежих, только что вынутых из печи пирогов, которые мать Лили любила печь.

Калья стремительно провалилась в глубины собственного сознания и обнаружила себя стоящей на окраине родного королевства. Там совсем недавно отгремела весёлая праздничная ярмарка. Вдалеке, у горизонта, всё ещё мерцали разноцветные огни парящих в воздухе магических светильников, доносились приглушённые расстоянием обрывки праздничной музыки и чей-то беззаботный смех.

Но здесь, на тёмной проселочной дороге, царила блаженная тишина. Ночный ветер ласково шелестел в густых кронах раскидистых деревьев, а крошечные светлячки то и дело вспыхивали в сочной траве, перекликаясь друг с другом неровным таинственным мерцанием.

Рядом с ней, привычно касаясь её плеча, шла Лили. Её нежные крылья слабо и уютно светились в наступивших сумерках. Она крепко держала Калью под руку, мягко улыбаясь своим приятным мыслям.

— Ты видела того чудного фея у центральных ворот, который торговал сладкими леденцами? — раздался до боли знакомый звонкий голос Лили. — Он на меня так жадно смотрел, будто хотел съесть!

Калья невольно усмехнулась, чувствуя, как тепло разливается по груди. Это воспоминание было настолько осязаемым, что она почти забыла о каменном зале Лории.

— Он на всех так смотрел. Дела торговца требует внимания к каждому покупателю.

— Не-а! — Лили шутливо толкнула её локтём в бок. — На тебя он смотрел нормально, а на меня — как на самое изысканное пирожное с кремом.

— Так ты и есть пирожное с кремом, — мягко проговорила Калья.

Лили беззаботно рассмеялась. Её смех рассыпался в ночном воздухе серебряными искрами, и потревоженные светлячки взлетели выше, кружась в такт этому чистому звуку.

— Смотри! — Лили восторженно указала рукой на небо.

Прямо над головами стремительно разгоралось величественное сияние. Изумрудные, сапфировые и золотые полосы сплетались в причудливые узоры, плавно перетекали друг в друга мерцающей пылью.

— Мама рассказывала, что это феи древних кровей танцуют на границе мира. Помнишь? — прошептала младшая сестра, заворожённо глядя вверх.

— Помню, — эхом отозвалась Калья, а к горлу вдруг подступил ком. — Она говорила, что если успеть загадать желание в тот миг, когда сияние коснётся верхушек деревьев, оно обязательно сбудется.

Лили тут же зажмурилась, смешно сморщив нос, крепко сложила ладони у груди и зашептала что-то — быстро-быстро, боясь упустить драгоценное мгновение. Разноцветные полосы спускались всё ниже, краски становились гуще, ярче, и воздух наполнился тихим хрустальным звоном, будто тысячи крошечных колокольчиков запели в унисон.

— И что же ты загадала? — спросила Калья, когда сестра открыла сияющие глаза.

— Чтобы у нас с тобой всё и всегда было хорошо, — просто ответила Лили. — И ещё... чтобы ты обязательно нашла того, кто будет смотреть на тебя так же, как тот парень с леденцами на меня. Только искренне.

— Скажешь тоже, — фыркнула Калья, пряча смущение.

— А что? Ты заслуживаешь самого лучшего, — Лили крепко сжала её ладонь. — Самого-самого. Того, кто будет любить тебя так сильно, что все вокруг обзавидуются!

Сияние на секунду коснулось земли, озарив лица мягким изумрудным светом. Мир вокруг на секунду словно замер, а затем яркие краски хлынули обратно к звёздам, и ночная прохлада снова задышала.

— Красиво, — тихо выдохнула Лили. — Жаль, что это чудо бывает так редко.

Калья открыла рот, чтобы сказать, что они увидят это сияние ещё сотни раз. Что они будут стоять точно так же, держась за руки, и смотреть, как древние предки танцуют на краю неба.

Но слова мёртвым грузом застряли у неё в горле.

Воздух Элегии внезапно стал ледяным и вязким. Тени вокруг неестественно удлинились, сгушаясь в плотные чёрные силуэты. Лили испуганно обернулась.

В то же мгновение пространство прямо перед ними с оглушительным треском разорвалось. Вороны появились из ниоткуда. Они безмолвно выходили из рваных дыр в воздухе, словно сама ткань реальности лопнула, выпуская на волю безжалостных хищников.

— Летим! — надрывно прошептала Калья, дёргая сестру за собой.

Но лететь было некуда. Исполинские вековые деревья и безмолвные фигуры воронов стремительно смыкались вокруг плотным кольцом.

— Калья, кулон! Скорее! — в панике закричала Лили, голос сорвался на писк.

Калья судорожно рванула цепочку на шее. Пальцы онемели от ужаса, отказывались слушаться. Она чувствовала, как драгоценные секунды превращаются в сухой песок, неумолимо утекающий сквозь пальцы.

Лили не отпускала её руку. Она стояла вплотную, испуганно прижавшись хрупким плечом, и дыхание было частым, прерывистым.

Девушка активировала кулон. Пространство вокруг пошло ломаной рябью. Она *могла* создать спасительную иллюзию. *Могла* запутать преследователей. *Могла* защитить сестру. *Но сковавший тело страх оказался сильнее.*

Она видела Лили — беззащитную, бледную, но всё ещё отчаянно верящую в неё, — и не могла сосредоточиться. Визуальный образ распадался, таял и исчезал, не успев родиться. Снова и снова.

Один из нападавших воронов грубо схватил Лили за плечо. Пальцы сестры выскользнули из руки Кальи — мучительно медленно, как в липком кошмаре, который впоследствии терзал её каждую ночь.

— НЕТ! — истошно закричала Калья.

Тяжёлый глухой удар по голове — и реальность окончательно потеряла свои очертания, погрузив её в милосердную темноту.

Она очнулась в комнате без окон. Сидела в кромешной тьме, судорожно прижимая к себе дрожащую сестру, и без конца клялась всем богам Элегии, что они обязательно выберутся. Выживут.

Лили убили. Гвардейцы Фаена безжалостно перерезали ей горло — просто для того, чтобы её крылья фейской не питали вражеского ворона-воина.

Калья не смогла уберечь самое дорогое. Потому что оказалась слабой. Потому что позволила страху парализовать себя в тот роковой момент. Потому что магия предательски отказала в самый нужный момент.

— Я не смогла тебя спасти... — прошептала Калья, безвольно стоя посреди этого страшного воспоминания, которое Илитор безжалостно вытащил из глубин её израненной души.

Но Лили стояла перед ней сейчас совсем как живая. Крылья светились в лучах затухающего сияния, которое всё ещё струилось над головами.

— Ты не виновата в этом, — тихо и ласково произнесла Лили.

— Я не защитила тебя! — голос Кальи окончательно сорвался на хриплый плач. — Я должна была...

Лили приблизилась. Её ладонь — тёплая, невероятно осязаемая, — нежно коснулась мокрой щеки Кальи.

— Перестань себя винить, — Лили улыбнулась. — Живи, не оглядываясь на боль от утраты. Я не хочу этого. И я всегда буду присматривать за тобой, слышишь? Запомни: ты намного сильнее, чем думаешь.

Она крепко, изо всех сил обняла Калью. Девушка отчётливо чувствовала живое дыхание у уха и спокойный размеренный стук сердца Лили.

— Будь счастлива. Я люблю тебя, сестрёнка, — прошептал родной голос.

Мир вернулся резко, словно её окатили холодной водой. Грубый серый камень под ногами снова стал твёрдым и вибрирующим. Окружающий воздух сделался чужим, насквозь пропитанным равнодушной магией Лории. Иллюзия рассеялась, оставив после себя звенящую пустоту.

Но крупные горячие слёзы, катившиеся по щекам Кальи, были самыми настоящими.

Илидор стоял напротив неё. Правая рука, поднятая для сотворения заклинания, так и замерла в воздухе. Лицо эльфа застыло в выражении, которого Калья никогда прежде на нём не видела — смесь глубокого потрясения, недоверия и благоговейного страха. Он смотрел так, будто перед ним только что произошло чудо.

— Что? — хрипло спросила Калья, резким движением руки вытирая мокрые щёки. — Вы так отчаянно хотели увидеть мою самую глубокую боль. Вы её увидели. Довольны результатом?

— Я... не создавал то, что произошло в конце, — непривычно тихо проговорил Илидор.

Калья резко замерла, так и не опустив руку.

— О чём Вы?

— Я вошёл в твою голову, — тщательно подбирая слова, продолжал Илидор. — Моей целью было показать тебе твою уязвимость, твою слабость. Я извлёк из памяти образ, заставил тебя заново пережить то нападение... Но эта девочка... твоя погибшая сестра... она пришла в иллюзию не по моей воле.

Калья смотрела на него, нахмурившись, не в силах сопоставить его слова с тем, что только что пережила.

— Когда ты заговорила с ней, — Илидор сделал шаг вперёд, глаза лихорадочно блеснули, — и когда она начала отвечать тебе — это была не моя магия, Калья. Это была твоя собственная сила. Ты умудрилась сотворить сложнейшую осязаемую иллюзию внутри моей структуры. Ты неосознанно противопоставила моей воле свою. И твой образ был настолько ярким и сильным, что я... сам увидел и почувствовал его тепло.

В древнем каменном зале повисла давящая тишина. Было слышно лишь то, как прерывисто дышала Калья.

— Ты хоть понимаешь, что это значит? — спросил Илидор после долгой паузы.

В голове Кальи мысли путались. Она вообще ничего не понимала.

— На подобный трюк — перехват чужого воздействия — способны лишь единицы среди сильнейших. А ты сделала это неосознанно, на чистых эмоциях. Даже без кулона матери.

Калья опустила взгляд на ладони. Пальцы всё ещё мелко дрожали от пережитого шока. Но глубоко в груди, где ещё минуту назад всё было безжалостно стянуто петлёй вины и боли, теперь медленно разливалось удивительное тепло.

Лили была права.

— Я никогда больше не позволю страху управлять мной, — с предельной отчётливостью произнесла Калья, уверенно поднимая голову и встречаясь взглядом с Илидором.

Илидор долго и пристально смотрел на неё новым странным взглядом, оценивая её значимость на политической доске. Наконец, он сдержанно кивнул.

— Скоро во дворце состоится торжественный приём. Там король официально представит тебя высокородным подданным и советникам Лории. Ты обязана быть готова к этому вечеру, — он сделал многозначительную паузу, словно пытаясь передать что-то между строк. — Среди почётных приглашённых гостей будет молодой лорд Дейдлан. Его древний род невероятно амбициозен и влиятелен. Они видят в тебе перспективное будущее для королевства. Династический союз с ним укрепит твоё шаткое положение в Лории.

Калья смотрела на него, не моргая.

— Меня так быстро выдадут замуж?...

— Достойная партия даст тебе власть и защиту. Лорд Дейдлан давно ищет возможность ещё больше возвысить свой род. Твоя принадлежность к королевской крови делает тебя желанной союзницей.

— Я могу отказаться?

— Калья, — Илидор вздохнул, и в его голосе впервые прозвучало искреннее предостережение. — В реалиях Лории одиночество — верная смерть. Без сильных союзников за спиной

ты так и останешься бесправной чужачкой среди безжалостных существ. Тебя уничтожат при первом же удобном случае.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.